

Векторы

2025

Сборник тезисов

XXIII

международной конференции
молодых учёных

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Векторы

Сборник тезисов
XXIII международной конференции молодых учёных
(Москва, 10–13 апреля 2025 г.)

2025

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Москва
2025

УДК 3(061.3)
ББК 60я431
В26

Оргкомитет:

Шафаг Вердиева;

Дамир Давлетов;

Анастасия Воронова;

Софья Наумова;

Яна Подлипская.

Председатель Оргкомитета: *Ирина Дуденкова.*

Редактор-составитель: *Дамир Давлетов.*

В26

Векторы. Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных (10–13. 04. 2025 г.) — М. : ОАНО МВШСЭН, 2025. — 152 с. : ил.
ISBN 978-5-6053489-4-8

УДК 3(061.3)
ББК 60я431

Распространение: Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike
4.0 International License (CC BY-NC-ND 4.0)

ISBN 978-5-6053489-4-8

© ОАНО «МВШСЭН», оформление 2025
© Авторы статей, 2025

Содержание

<i>К. А. Ворухайлова</i> (Пост)память о Январском восстании и модель «новой женственности»: конструирование идентичности на границе националистического и эмансипационного дискурсов в Польше первой половины XX века	7
<i>М. А. Кирина, Р. А. Родионов</i> Корпусное исследование «рынка животных»: стратегии репрезентации идеального питомца в Интернет-дискурсе	11
<i>Г. Т. Забродин</i> Советское бюрократическое барокко в складах послесталинского транзита	18
<i>П. А. Отдельнов</i> Чем пахнет промзона? Ольфакторная память индустриального прошлого	23
<i>Н. А. Каш</i> Либертарная перспектива в дизайне: от «краха» модернизма к спекулятивному дизайну	30
<i>Г. М. Семенов</i> После часа ноль. Карнавал и политика в послевоенной Германии в 1945–1949 гг.	34
<i>В. А. Левонтина</i> Шепот, пение и крик: женские вокальные практики и гендерезированное слушание	38
<i>Д. О. Щербаков</i> Пуританская забота: смерть и конструирование детства в Новой Англии XVII — начала XVIII вв.	42

Содержание

<i>Е. А. Ершова</i> Помнит ли невеста Христова о детстве? К проблематике не изображения девичества в среднеанглийских визионерских текстах	45
<i>Е. А. Казаев</i> Одинокый тополь в Калмыкии: локализация сакрального в контексте культовой среды	49
<i>М. В. Листопадов</i> Право монады на спонтанность	52
<i>О. Г. Подбучкая</i> Социально-экономические факторы образовательной мобильности в России на примере потенциальных студентов первого поколения	56
<i>М. Ю. Волошин</i> Данные как «новая природа» в компьютерных симуляциях	65
<i>А. М. Кольчугин</i> Деликтная ответственность за совместно причиненный вред	68
<i>И. Рыбакова</i> Новая телесность в терапевтической культуре	73
<i>И. А. Чесноков, К. А. Мустафина, М. А. Варёнов</i> Разделяй и властвуй: Применение парадигмы распределённого познания для исследования терапевтических процессов	76
<i>D. M. Turunov</i> From decision to data: video games as a tool for creating behavioral profiles	80
<i>Р. Р. Гильминтинов</i> Советская политэкономия природы, или Как придавать ценность природе в экономике, в которой ценным может быть только труд?	84
<i>А. С. Чепиго</i> «Контактная зона» Сургутского района — место сосуществования восточных хантов и нефтяников	88
<i>А. Р. Туренко</i> Притязания на представительство партии «Альтернатива для Германии»: успех или провал?	93

<i>D. R. Goncharenko, I. V. Duev, A. O. Karsakov</i> “Two Europes”: antagonized ways of shaping common European identity	101
<i>С. М. Федорова</i> Память из окна вагона: конструирование символического пространства Российской империи в путеводителях по Великой Сибирской железной дороге	110
<i>А. Н. Британова</i> На перекрёстке печатной и мобильной культур: книготорговля на железнодорожных станциях в Российской империи на примере предприятия В.Э. Генкеля	114
<i>О. А. Брынза, О. С. Рымаренко</i> Жизненные стратегии и тактики сельских учительниц конца XIX века — анализ коллекции ранее неопубликованных писем	119
<i>Г. Н. Сиплиный</i> Репрезентация концепта «другой Смерти» Мориса Бланшо в современном фантастическом кинематографе	125
<i>Г. Малышев, А. Никитин</i> Во власти рендера: памфлет архитектурной визуализации	134

(Пост)память о Январском восстании и модель «новой женственности»: конструирование идентичности на границе националистического и эмансипационного дискурсов в Польше первой половины XX века.

Ворухайлова Ксения Андреевна

Студентка 5 курса бакалавриата ОП «История»
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва).
Электронная почта: kavorukhaylova@edu.hse.ru

Январское восстание 1863–64 гг. стало крупнейшей в XIX веке вооруженной попыткой поляков вернуть государственную независимость, которая была утрачена после разделов Речи Посполитой. Его поражение, в свою очередь, определило коренной перелом в мировоззрении современников, в частности — привело к трансформации националистического дискурса и идеала польской гражданственности. Вместе с появлением «реалистической программы» варшавского позитивизма существенные изменения претерпели и представления о гендерном порядке. В публицистике был сформулирован «женский вопрос» — задача эмансипации женщины и превращение ее в социально активную гражданку, чьим моральным долгом были самообразование и работа на благо нации.

В этой дискуссии о «новой женщине» восстание стало отправной точкой не только в силу своих экономико-политических и культурных последствий, но и в силу беспрецедентно широкого участия в нем самих женщин [Sierakowska, 2014, s. 78–81]. Как отмечает И. Добковская-Кубацкая, если впервые постулаты новой феминности сформулировало поколение сви-

детельниц (и зачастую участниц) восстания, то претворяло их в жизнь и интегрировало в свои жизненные стратегии уже второе поколение [Dobkowska-Kubaska, 2024, p. 29].

Однако в историографии эмансипационный потенциал восстания остается дискуссионным. Так, некоторые исследователи подчеркивают, что его канонизация привела к закреплению в польской культуре стереотипизированной и во многом пассивной роли женщин-участниц [Cornett, 2023; Dutka, 2012, s. 265–276]. При этом именно женщинам предписывалась роль ключевых агентов в межпоколенческой передаче жертвенно-героического нарратива об этих событиях — «национальной мифомоторике» [Ассман, 2018, с. 39–41]. Учитывая эти противоречивые тенденции, остро встает вопрос о том, как именно женщины последующих поколений апроприировали память о восстании и о том, каким образом повстанческая традиция повлияла на возможность переосмысления гендерных ролей в рамках националистического дискурса.

Для ответа на эти вопросы я считаю необходимым обратиться к личным свидетельствам тех женщин, чье взросление происходило в постповстанческой атмосфере, а также тех, для кого память о восстании была не только частью национального мифа, но и формирующим событием в рамках семейной памяти. Таким образом, моя работа посвящена тому, как память о Январском восстании влияла на национальную и гендерную идентичность представительниц «постпоколения», чье отношение к прошлому, следуя Марианне Хирш, можно охарактеризовать как постпамять [Хирш, 2021]. Наряду с ответом на центральный вопрос исследования, мне было интересно исследовать эмпирический потенциал этой категории для анализа женской (пост)поколенческой памяти в данном историческом контексте.

Основными источниками для исследования стали четыре автобиографических текста, написанные дочерьми участников восстания или их ближайшими младшими родственницами: Ядвигой Остромецкой [Ostromęcka, 2004], Изабеллой Мощенской [Moszczeńska, 2022], Юзефой Кодис [Kodisowa z Krzyżanowskich] и Марией Свяцкой [Świacka z Donimirskich, 2024].

В результате исследования удалось выявить задействование в мемуарах различных модусов обращения к памяти о восстании или того, что я, вслед за А. Эрль, обозначаю как «гори-

зонты памяти» [Erll, 2011, p. 31–32]. Их характеризует различная степень интегрированности фактического/семантического знания о данном событии в собственный автобиографический нарратив на основе ощущения личной эмоциональной значимости. Понятие постпамяти оказывается ценной категорией для характеристики черт крайней степени такой интегрированности.

Кроме того, была выявлена явная связь между обращением авторов к памяти о восстании и формулированием ими идеала (женской) интеллигентской гражданственности, а также легитимацией собственной публичной деятельности. Вместе с тем возможность апроприации и переинтерпретации собственно женских моделей патриотизма повстанческой эпохи оказывается ограниченной в силу их внедренности в романтическую дискурсивную парадигму. Более того, степень интеграции этих моделей в собственную национальную идентичность обнаруживает негативную корреляцию со степенью выраженности эмансипационных взглядов героинь.

Литература

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебников. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
2. Хирш, М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хирш; пер. с англ. Н. Эппле. М.: Новое издательство, 2021.
3. Cornett, N. From Mother-Patriot to Sister-Lover: Changing Visions of Womanhood in Nineteenth-Century Poland / N. Cornett // *Gender and History*. 2023. Vol. 35. No. 1. P. 85–102.
4. Dobkowska-Kubacka, J. "Female issue": polemics about working women in the Kingdom of Poland in the period after the suppression of the January uprising (1864) and the outbreak of the great war (1914) / J. Dobkowska-Kubacka // *West Bohemian Historical Review*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 185–198.
5. Dutka, W. Kobiety w powstaniu styczniowym w świetle historiografii powstańczej 1863–1918 / W. Dutka // *Studia Gdańskie*. 2012. T. 31. S. 265–276.
6. Erll, A. Memory in culture / A. Erll. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
7. Kodisowa z Krzyżanowskich, J. [Wspomnienia z lat ok. 1870–1890]. Biblioteka Narodowa. Rps akc. 13.660. 94 k.

Векторы

Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных

8. *Moszczeńska, I.* Wspomnienia i listy z lat 1864–1914–1941 / I. Moszczeńska; wstęp i oprac. A. Fijałkowskiego, M. Rzepki. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2022.
9. *Ostromęcka, J.* Pamiętnik z lat 1862–1911 / J. Ostromęcka // Oprac. A. Brus; Instytut Historii PAN. Warszawa: DiG, 2004.
10. *Sierakowska, K.* Wpływ powstania styczniowego na zakres patriotycznych obowiązków kobiet / K. Sierakowska // Rocznik Antropologii Historii. 2014. T. 2. No. 7. P. 77–93.
11. *Świacka z Donimirskich, M.* Wspomnienia z lat 1872–1924 / oprac. T. Łaskiewicz. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2024.

Корпусное исследование «рынка животных»: стратегии репрезентации идеального питомца в Интернет-дискурсе

Маргарита Александровна Кирина

Преподаватель департамента филологии, младший
научный сотрудник Лаборатории языковой конвергенции,
Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук
и искусств, НИУ ВШЭ.

Электронная почта: mkirina@hse.ru

Руслан Андреевич Родионов — студент департамента
филологии, стажер-исследователь Лаборатории языковой
конвергенции, Санкт-Петербургская школа
гуманитарных наук и искусств, НИУ ВШЭ.
Электронная почта: rarodionov@edu.hse.ru

Знаменательное для animal studies эссе Джона Берджера «Зачем смотреть на животных» [Берджер, 2017, с. 19–64] рассматривает эволюцию отношений человека и нечеловеческого животного как постепенную алиенацию и маргинализацию последнего. В эпоху позднего капитализма нечеловеческие животные оказались вытеснены из центра человеческого опыта на периферию культуры: в книги, мультфильмы, иллюстрации, детские игрушки и зоопарки. По Берджеру, квартира так же, как и зоопарк, лишает животного автономии и ограничивает его естественные потребности.

Подробнее рыночную логику, скрывающуюся за нашим желанием содержать животных у себя дома, анализирует Катя Крылова в недавней монографии [Крылова, 2023]. Домашнее животное служит антропоцентричным желаниям хозяина,

наряду с умной бытовой техникой. Оно должно быть/стать милым, удобным, неприхотливым и полезным, даже если это противоречит его естественным потребностям. Невидимая работа питомцев (как и женщин) воспринимается как должный ответ на искреннюю и якобы безвозмездную заботу человека.

Тем не менее возможно и более этичное сосуществование человека и других животных, когда неравная дихотомия питомец (домашнее животное) / хозяин сменяется более гармоничным союзом компаньона и опекуна. В «Манифесте видов-компаньонов» [Naraway, 2003] Донна Харауэй подчеркивает, что забота о виде-компаньоне должна учитывать его интересы и потребности. Забота может стать этической практикой только в результате развития в себе восприимчивости к особенностям других форм жизни.

Для прекращения эксплуатации нечеловеческих животных в роли питомцев необходимо прояснить, какие именно характеристики делают их удобными домашними животными. Целью нашего исследования стало выявление схем репрезентации «идеального» питомца на «рынках животных» в социальных сетях, лингвистические и дискурсивные особенности этого речевого жанра (см. предпосылки, например, в [Markowitz, 2019]). Материалом послужили тексты, размещенные в группах «ВКонтакте», которые занимаются публикацией «зоообъявлений», нацеленных мотивировать подписчика принять животное «в добрые руки». Были собраны посты из двух групп: одна специализируется на публикации объявлений о котах/кошках (далее — cat_c), вторая — о собаках (далее — dog_c). Объемы корпусов составили 22291 пост (230189 словоупотреблений) и 22783 поста (225550 словоупотреблений) соответственно.

Как видно из рис. 1 и рис. 2, наиболее характерной для конструирования образа как кошки, так и собаки оказывается лексико-тематическая группа «принятие в дом/семью» (дом, человек, искать, семья, хозяин). Однако отметим, что частотной в cat_c оказывается лемма «дом» (9838¹, ср. dog_c: 8168), в то время как в dog_c обнаруживается высокое ранговое положение другой леммы — «семья» (dog_c: 5807, cat_c: 3504). На обнаруживаемое

¹ Здесь и далее частотность в корпусе указывается в IPM (item per million) с округлением до целых.

речевое выражение ментального стереотипа «собака — друг человека» указывает также и то, что лемма «компаньон» используется при описании собаки практически в два раза чаще (532), чем при описании кота/кошки (275).

В объявлениях о собаках также оказывается важным указание на породу собаки (например, хаски — 2122, овчарка — 1660, метис — 1283). В этом проявляется внимание некоторых людей к вопросу «чистоты» породы: породистые собаки находятся выше в иерархии, чем метисы и беспородные.

Кошка же, по всей видимости, рассматривается как атрибут домашнего уюта, подчеркивается ее домашность (лемма «домашний» в cat_c и dog_c соответственно: 1647 vs. 780) и ласковость (лемма «ласковый» в cat_c и dog_c соответственно: 4869 vs. 2360). Кроме того, кошек чаще, чем собак, именуют «малыш» (cat_c: 1799 vs. dog_c: 738), «малышка» (1494 vs. 524). В отличие от собаки, образ кошки в данном дискурсе отличается меньшей автономностью.

Тема чистоты является актуальной для реализации образа как собаки, так и кошки, однако частотно значимый разрыв обнаруживается именно для последних (ср., лемма «паразит» встречается в cat_c и в dog_c соответственно: 1212 и 557). Вероятно, это связано с преимущественно indoors условиями содержания котов, в отличие от собак. Активное и даже неизбежное взаимодействие собак с внешней средой смягчает требования к их гигиене.

Обратимся к результатам автоматического детектирования эмоций, для которого использовалась модель `rubert-tiny2-russian-emotion-detection`². Наиболее выраженной оказалась эмоция любовь (cat_c: 43,35%³, dog_c: 32,84%): так, в текстах конструируется эмоциональное состояние, которое должна вызывать ситуация адопции животного. Интересно, что эмоция восхищение в большей мере ассоциирована с зоообъявлениями о собаках (cat_c: 9,86%, dog_c: 12,49%). Действительно, в этих

² URL: <https://huggingface.co/seara/rubert-tiny2-russian-emotion-detection-ru-go-emotions>

³ Указывается процент постов, которые были классифицированы как соответствующие определенной эмоции.

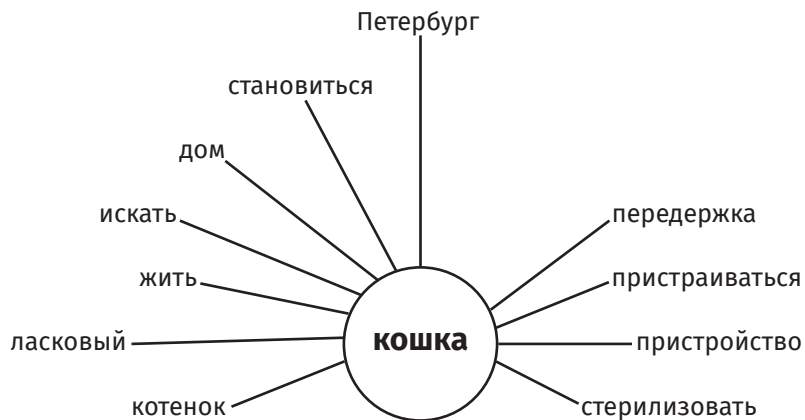

Рис. 3. Коллокаты леммы «кошка»

Рис. 4. Коллокаты леммы «собака»

постах выделяются характеристики животного, которые призваны восхитить потенциального хозяина, в первую очередь связанные со спортивными достижениями породистых собак (имеет первые медали) или чертами внешности (яркий красавец, классный, просто шикарный).

Частотный, коллокационный и сентимент-анализ позволил выделить устойчивые схемы репрезентации животных, используемые в зоообъявлениях для создания привлекательного образа потенциального питомца. И собаки, и кошки регулярно описываются как ищущие дом/семью, причем чаще подчеркиваются социальные навыки и «семейность» именно собак. Требования к собакам в принципе выше (на что указывает и превалирование эмоции «восхищение»): авторы зоообъявлений часто упоминают спортивные достижения собак и обращают внимание на их внешнюю привлекательность. Важной становится идея и о «чистоте» породы: видимо, решение adoptировать собаку нередко зависит от ее (бес)породности. Кошки же оказываются (и что согласуется с классификацией Кати Крыловой) идеальным ребенком и антидепрессантом, атрибутом домашнего уюта.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными» (ФИ-2025-32) для выполнения фундаментальных проектов тематического плана научных исследований, предусмотренных Государственным заданием Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» на 2025 г.

Литература

1. Берджер, Д. Зачем смотреть на животных? М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
2. Крылова, К. Рынок удобных животных. М.: НЛО, 2023.

3. *Haraway, D.* The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003.
4. *Markowitz, D. M.* Putting your best pet forward: Language patterns of persuasion in online pet advertisements // *Journal of Applied Social Psychology*. 2020. Vol. 50, No. 3. P. 160–173.

Советское бюрократическое барокко в складках послесталинского транзита

Глеб Тимофеевич Забродин

Студент, 3 курс бакалавриата, Факультет гуманитарных наук,
Образовательная программа «История», НИУ ВШЭ (Москва).

Электронная почта: gtzabrodin@edu.hse.ru

Исследуя институциональный дизайн советского администрирования в период послесталинского транзита, я пришёл к мысли о том, что в рамках традиционной парадигмы политической истории непросто найти рациональное объяснение интенсивности и порой избыточности постоянных организационных нагромождений, ведомственных надстроек и структурных ответвлений. Необходимым для меня в данном случае стал поиск других языков и аналитик для того, чтобы не просто фиксировать, но и рассматривать в динамике эти экстравагантные формы бюрократической жизни.

Однако неслучаен устойчивый исследовательский интерес прежде всего к антропонимическим длительностям советской истории, на протяжении которых политическое обретает определённые структурные контуры и своё имя. Удобное для историографии разделение на эпохи «вождей» более однозначно поддаётся традиционному политологическому описанию и отслеживанию на основе концептуализации широких комплексов источников и возможности их сопоставления. К этой категории относятся политические сборки сталинизма, который распадается на ранний, высокий и поздний, и «хрущёвской» оттепели, а также внутренне не утративший аналогичного деления поздний социализм с его неочерченными рамками [Аксютин, 2010; Добренко, 2024; Чупринин, 2023].

В этой ситуации транзитные контрапункты советской истории остаются отчуждёнными и скорее интерпретируются

в качестве пограничных разрывов или политических интергнумов. К примеру, нереализованные планы реформ в существующей историографии оцениваются лишь в качестве типовых «альтернативных вариантов» и ассоциируются лишь с конкретными именами сталинских соратников, в итоге проигравших политическое противостояние Н.С. Хрущёву [Шестаков, 2006, с. 7–8]. Метанарративу политической истории в целом свойственно отбрасывать нереализованное как дезадаптивное и не останавливаться на том, чтобы зафиксировать изобретение новых организационных форм вместе с интенсификацией жизни бюрократов, голоса которых не всегда слышны на расстоянии персоналистски окрашенной политической периодизации. Динамизм послесталинского транзита, с которого начинается нижняя граница позднесоциалистического, в итоге оказывается поглощённым «хрущёвским» десятилетием. Соответственно, изначальной целью моего исследования был анализ трансформации институтов высшей власти в период послесталинского транзита.

В число моих задач входит определение основных параметров советской системы управления в период транзита, а также выявление ключевых изменений в структуре и функциях партийных и государственных институтов. Однако на языке традиционной политической истории это сводилось бы лишь к очередной описательной фиксации новых форм политического и к низведению процессов становления неопределённости до очередной «борьбы за власть» между «реформами» и «новыми курсами», отправляемыми конкретными автократами. Привязав трансформацию институтов к фазам политической борьбы, историография уже обрекла советскую систему на бесконечное складывание бюрократической материи, утверждая, что все её административные реорганизации, спускавшиеся сверху вниз, были лишь маневрированием между взаимоисключающими экономическими неэффективностями [Crowfoot, Harrison, 1990]. Здесь составные части этой материи — это министерства, отделы, тресты и главки. На языке политической истории они традиционно описываются как «империи» или «полугосударства» в состоянии феодальной или ведомственной раздробленности.

В рамках неинституционального подхода уже давно существует распространённая концепция институционального

наслоения, в действительности, скорее, нагромождения, которая фиксирует процессы изменения институтов как напластования новых механизмов и конвенций поверх ранее существовавших. Например, наслоения могут быть связаны с ситуациями, в которых изменяется контекст и возникают новые проблемы, однако основные действующие лица в целом остаются прежними [Campbell, 1997]. В подобных терминах возможна концептуализация реформ пришедшего к власти после смерти Сталина «коллективного руководства». Однако здесь исследование всё ещё оказывается в парадигме формальных и неформальных практик, зависимостей от предшествующего развития и бесконечного подчёркивания необходимости выявлять агентности постоянно действующих акторов.

Я предлагаю довести процесс бюрократического наслоения до абсолюта и обратиться в таком случае к делёзианской трактовке лейбницианства. Ж. Делёз сопоставляет монадологию с художественным стилем барокко и фактически совершает в его определении метонимическую редукцию к одному из самых насыщенных образов перехода и усложнения — к складке. Барокко оказывается именно оперативной функцией, которая непрестанно драпирует стремящиеся к бесконечности складки [Делёз, 1997, с. 7, 174–175, 199–200]. Для меня это необходимо в качестве перехода от пафоса и статуйности разрывов и коллапсов к поэтике становления, которая оказывается чувствительной к многообразию институциональных изменений. Подход к рассмотрению ситуации транзита как функции в данном случае позволяет проблематизировать советские институты высшей власти в их центральности и рассматривать их как странные формы существования на переходе. Иными словами, я предлагаю описывать это явление в терминах бюрократического барокко.

Бюрократическое барокко учитывает внутренние противоречия и непрерывный процесс самоорганизации сложных управленческих систем и предполагает работу с их избыточной формализацией, множественностью инстанций и процедур. Мне важно подчеркнуть, что на первый план здесь выходят декоративность и интериорная противоречивость советских институтов, с тем чтобы не упускать при этом из виду микропроцессы и ту же самую агентность отдельных бюрократов. Тогда во всех институциональных реформах — складываниях,

укрупнениях и разукрупнениях аппаратов — обнаруживается пронизывающий их бюрократический органицизм. Занимаясь преформацией институтов, власть в акте преобразования оказывается распределена по всему бюрократическому организму, который имеет свою собственную логику и динамику развития.

В процессе иерархической организации управленческих структур этот организм свертывает и развертывает свои части. Сгибание и разгибание ведомственной материи здесь образует складки и эксплицируется как слияние-разъединение тех же министерств, отделов главков, трестов, предприятий и других структур по нисходящей. Административные массы и агрегаты становятся производными бесконечно вложенной и раскладывающейся материи. И бюрократическая машина как организм здесь даже не является метафорой. Для Делёза именно механизмы состоят из деталей, однако машинами они не являются, тогда как организм машинизирован бесконечно, поскольку может репродуцироваться и постоянно преформировать себя [Там же, с. 12].

От целеполагания традиционной политической истории я предлагаю перейти к делёзианскому вопрошанию — не «почему?», а «как?», отказавшись на время от конструирования последовательности причин и следствий. Являлся ли транзит подлинной революцией, у которой нет конца? Скорее, в момент перехода от одной господствующей монады к другой он высвобождал политические стихии и страсти, подобно ветру драпирующие складки бюрократической материи и позволяющие тем самым увидеть её органицизм. Контрапунктом в транзите было заключено движение и всей советской истории. Её институциональный партийный диктат становился лишь препятствием и одновременно средством на пути с траекторией поистине барочного производства бюрократических складок.

Литература

1. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Делёз, Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
3. Добренко, Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика политики: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Векторы

Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных

4. Чупринин, С.И. Оттепель как неповиновение. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
5. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М.: Наука, 2006.
6. Campbell, J. Mechanisms of Evolutionary Change in Economic Governance: Interaction, Interpretation and Bricolage // *Evolutionary Economics and Path Dependence*. Cheltenham: Edward Elgar, 1997. P. 10–32.
7. Crowfoot, J., Harrison, M. The USSR Council of Ministers Under Late Stalinism, 1945–1954: Its Production Branch Composition and the Requirements of National Economy and Policy // *Soviet Studies*. 1990. Vol. 42, No. 1. P. 39–58.

Чем пахнет промзона?

Ольфакторная память индустриального прошлого

Павел Александрович Отдельнов

(род. 1979, Дзержинск, Нижегородская область).

Художник, работающий с темами памяти, истории, экологии и индустриального прошлого. Окончил МГАХИ имени Сурикова и Институт проблем современного искусства.

Создает живопись, инсталляции, видео и фотографии. С 1996 года участвует в выставках, был финалистом и лауреатом ведущих художественных премий, включая Инновацию, премии Кандинского и Сергея Курехина. Участвовал в Московской, Уральской и Ташкентской биеннале современного искусства. Его работы находятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи, Русского музея, Московского музея современного искусства, а также в международных музейных и частных коллекциях.

Электронная почта: otdelnovpavel@gmail.com

Я, как художник, работаю с темой памяти. В проекте «Промзона» я исследую прошлое химических заводов Дзержинска, с которыми связана история моей семьи. Значительная часть этой памяти связана с запахами. Я посчитал важным не только говорить о запахах, но и попробовал включить их в экспозицию: для этого я использовал фрагменты веществ, собранных на химических свалках Дзержинска. Без их присутствия разговор об индустриальном прошлом города был бы неполным. В этом докладе я поделюсь своим опытом работы с запахами в экспозиции.

Рис. 1. Павел Отдельнов. «От Белого моря до Черной дыры». Кадр из фильма. 2018

Токсичные производства Дзержинска

Дзержинск на протяжении десятилетий оставался одним из крупнейших центров химической промышленности СССР. Заводы города производили как гражданскую, так и военную продукцию, что определяло его экономику, экологическую ситуацию и повседневную жизнь. Частью наследия этих производств стали серьезные экологические проблемы.

Химические заводы Дзержинска производили боевые отравляющие вещества, а также сырье для легкой промышленности, химические добавки, удобрения и растворители. Эти производства оставили после себя огромное количество токсичных отходов: с 1930 по 1998 год в окрестностях Дзержинска было захоронено около 300 000 тонн химических отходов, а в грунтовые воды попало 190 идентифицированных химических соединений [Blacksmith, 2013, p. 32]. Влияние этих производств и их отходов на здоровье рабочих и жителей остается недостаточно изученным, а последствия их деятельности по-прежнему ощущаются в окружающей среде [Котляр, 2001].

Рис. 2. Павел Отдельнов. «Опасная зона». 2018.
Холст, масло. 180 x 260 см. ИРРИ

Запах «Белого моря» и «Черной дыры»

Вокруг города сформировались десятки свалок токсичных отходов, самые известные из которых «Белое море» и «Черная дыра». Эти объекты, содержащие многотонные накопления ядовитых веществ, стали частью ландшафта промзоны [Зацепин, 2019, с. 60].

Запахи этих химических отходов несут в себе не только память о производственных процессах, но и о личном опыте жизни в городе. Садовый участок нашей семьи находился всего в двух километрах от «Белого моря» — одной из крупнейших свалок химических отходов. Ее запах, едкий и трудноописуемый, стал для меня одним из запахов детства.

Химический запах черемухи

Некоторые химические соединения вызывают сильные ассоциации с природными ароматами. Когда в городе случалась загазованность, горожане могли по запаху определить, на каком производстве и даже в каком цехе произошла утечка.

Иногда загазованность возникала из-за аварий, но иногда причиной была гонка за выполнением плана: предприятия сбрасывали в воздух побочные продукты производства. Один из инженеров описывал случаи таких выбросов и их воздействие на окружающую среду и детей [Котляр, 2001, с. 18]. Некоторые из таких химических соединений были смертельно опасны. Например, сильный запах прелого сена указывал на утечку фосгена — вещества, использовавшегося в легкой промышленности, но также являвшегося боевым отравляющим веществом. В воспоминаниях работников заводов упоминались случаи, когда фосген становился оружием в личных конфликтах рабочих [Отдельнов, 2019, с. 7].

В учебниках по военной токсикологии приводятся таблицы, по которым можно научиться распознавать некоторые запахи, свидетельствующие об опасности отравления [Бова, 2005, с. 82]:

- иприт пахнет луком, чесноком или горчицей;
- люизит — геранью;
- синильная кислота — горьким миндалем;
- хлорацетофенон — цветущей черемухой.

Сегодня значительная часть вредных производств закрыта, и воздух в Дзержинске стал чище [Зацепин, 2019, с. 70]. Однако, вблизи шламонакопителей по-прежнему можно ощутить те запахи, которые вдыхали работники химических заводов.

Вопросы музеефикации запахов

В отличие от звука и изображения, запахи не поддаются точной фиксации и воспроизведению и потому их сложно музеефицировать. Тем не менее, я предпринял попытку реконструировать запахи в экспозиции моих выставок.

Рис. 3. Экскурсия в рамках выставки «Белое море. Черная дыра». 2016

Выставочный опыт

Во время выставки «Белое море. Черная дыра» (Нижний Новгород, «Арсенал», 2016) я провел экскурсию по промзоне и химическим свалкам Дзержинска. Мы не пересекали заграждения, но даже находясь на безопасном расстоянии от шламоотстойников чувствовали их особенный запах. Опыт этой экскурсии убедил меня в важности ольфакторного элемента для более глубокого восприятия химической промзоны и ее истории.

На последующих выставках моего проекта «Промзона» я выставлял собранные мной образцы химических отходов в медицинских склянках с притертыми крышками. В галерее Futuro (Нижний Новгород, 2018) рядом с экспонатами мы с организаторами разместили табличку:

Рис. 4. Павел Отдельнов. «Запахи». ММСИ. 2019

- Не есть ✕
- Не пить ✕
- Нюхать (ОСТОРОЖНО)

Однако запреты воспринимались как приглашение к действию. В отзывах зрители описывали впечатления, связанные с запахами:

«Теперь я знаю, как пахнет Чёрная дыра 🌀»

«Нет ничего, что пахло бы вкуснее „Чёрной дыры“ в правой баночке 🤔 🤔»

Для выставки «Промзона» в Московском музее современного искусства (2019) я отказался от табличек. Вместо этого сотрудники музея объясняли, что крышки можно снять и осторожно понюхать. Они также следили, чтобы процесс взаимодействия с запахами был ограничен одним или двумя вдохами, и не допускали детей.

На выставке в Художественном музее Уппсалы (Швеция, 2022) мы отказались и от этой практики. Разрешить вдыхание

запахов означало бы возложить ответственность на музей, поэтому запахи можно было протестировать только во время экскурсий, которые я проводил лично. К тому времени сами вещества изменились: спустя три года их запахи стали менее интенсивными.

Заключение

Мой опыт включения ольфакторных элементов расширил границы моей художественной практики и позволил зрителям не только видеть, но и чувствовать индустриальное прошлое. Я считаю, что этот подход открывает новые возможности сохранения и изучения нематериального наследия. Однако для меня остались открытыми вопросы безопасности и ответственности при работе с запахами.

Литература

1. Бова, А. А. Военная токсикология и токсикология экстремальных ситуаций: учебник. Мн.: БГМУ, 2005.
2. Зацепин, К. А., Камышникова, Д. Ф., Отдельнов, П. А. Промзона. М.: Триумф, 2019.
3. Котляр, И. Б. В городе Большой химии: Воспоминания. М., 2001.
4. Отдельнов, А. Л. Без противогаса не входить! М.: Триумф, 2019.
5. The World's Worst 2013: The Top Ten Toxic Threats. An annual report released by Green Cross Switzerland and Blacksmith Institute. URL: <https://www.worstpolluted.org/docs/TopTenThreats2013.pdf> (дата обращения 11.03.2025).

Либертарная перспектива в дизайне: от «краха» модернизма к спекулятивному дизайну

Наталья Александровна Каш

Старший преподаватель кафедры истории
и теории искусства, СПбГУПТД.

Электронная почта: kash_design@mail.ru

В анархизме и дизайне как феноменах есть точки пересечения: от лежащего на поверхности прудоновского порядка до неочевидных — способа мышления и стремления работать в пространстве между реальным и невозможным. Оптика анархизма позволяет увидеть *другой* дизайн, близкий человеку и подталкивающий его к активной гражданской позиции и этичному потреблению. Линия гуманистического дизайна, работающего со смыслами и проектирующего утопичные или предпочтительные сценарии будущего, пролегает через XX век: от превращения гуманистичного дизайна в «тотальный дизайн», в практику контроля и власти через *радикальный дизайн* и дизайн для реального мира В. Папанека в середине XX века к спекулятивному дизайну начала XXI века.

В период становления дизайна как практики (в начале XX века) дизайн мыслился профессиональным сообществом как инструмент социальных улучшений, возможность создавать среду для жизни людей удобнее и комфортнее. И людей делать, благодаря таким изменениям, тоже лучше. Европейский дизайн XX века осознаёт себя через социальную миссию (проектирование доступного социального жилья, его обстановки, кухонь), но постепенно приходит к «хорошему дизайну» — эстетичному, в первую очередь. Уже во второй половине XX века дизайн утратил свою социальную миссию, обернувшись коммерческим инструментом, инструментом проекти-

рования поведения людей, манипулирования потреблением. Идея «тотального дизайна», переустраивающего старый и изобретающего новый мир, оперировала утопическим сознанием и ставила своей целью создание социального рая на земле. На практике к 1980-м, по пути потеряв гуманизм, эта идея проявила себя формой контроля и власти. После падения Берлинской стены и окончания Холодной войны альтернативные модели устройства общества потерпели крах. Тотальный дизайн превратился в глобальный дизайн, который провоцирует безудержный консьюмеризм и может существовать только в рамках неолиберального капитализма.

В 1960–1970-х годах возникают попытки вернуть дизайн к гуманистическим целям. В Италии формируется движение «Радикальный дизайн». В мае 1972 года в MOMA состоялась знаковая выставка итальянского дизайна The New Domestic Landscape, которая представила новые взгляды на проектирование среды обитания человека, используя спекулятивный подход как критику и провокацию. Представленные на выставке проекты являлись утопией, которая не должна была воплотиться, но представить возможные выходы из сложившейся ситуации. Итальянские «панки» от архитектуры и дизайна, составлявшие движение «Радикального дизайна», предлагали рассматривать дизайн не только как продукт творческого интеллекта, но и как проявление критического воображения. Дизайн — это нечто большее, чем просто создание предметов для удовлетворения функциональных и эмоциональных потребностей: процессы и продукты дизайна сами по себе могут использоваться для критического осмысления нас самих и нашего общества.

С 1963 по 1970 год В. Папанек писал книгу «Дизайн для реального мира», она вышла в 1971 году и «взорвала» американское профессиональное сообщество. Папанек предлагал иной подход к дизайну, радикально расходившийся с традиционным коммерческим подходом. Папанек призывал решать социальные и экологические проблемы, проектировать для Глобального Юга, менять к лучшему реальную жизнь разных людей (особенно социально уязвимых и угнетённых), каждый раз находить новые решения для конкретных реальных проблем. Не только призывал, но и объяснял, каким образом это делать, проектировал и показывал собственным примером. Этика и ответственность

дизайнера, экология, инклюзия — три столпа, на которых строится понимание Виктором Папанеком реально необходимого дизайна для реального мира. Такой дизайн, необходимый для улучшения мира, мыслится Папанеком как антитеза избыточному дизайну западного мира — дизайну для увеличения комфорта ограниченного круга людей и для стимулирования безудержного потребления.

В 1990-х годах Энтони Данн вводит термин «спекулятивный дизайн», т. е. умозрительный, не существующий в реальности. Позже теория спекулятивного дизайна активно разрабатывается Данном и Фионой Рэби в Королевском колледже дизайна в Лондоне (затем и по сегодняшний день — в Лаборатории Спроектированных реальностей/The Designed Realities Lab в Новой школе в Нью-Йорке). Итогом стала книга, вышедшая в 2013 году, — «Спекулятивный мир. Дизайн, воображение и социальное визионерство». В основе спекулятивного дизайна ценностный подход, мечты и идеалы как основание для создания предпочтительных сценариев будущего. Его цель — обеспечить альтернативу коммерческому дизайну и возможность проектировать вне рамок капитализма: «изменение к лучшему, притом что лучшее разные люди понимают по-разному» [Данн, Рэби, 2017, с. 15]. Спекулятивный дизайн всегда предлагает альтернативные решения и альтернативные сценарии будущего. Он нужен для того, чтобы способствовать позитивным изменениям в будущем и осознанию того, что есть множество неиспользованных возможностей. Спекулятивный дизайн отвечает на вызовы сегодняшнего мироустройства, заведшего мир в капиталистический тупик. Это оппозиция «официальной» реальности, катализатор идей и способность мыслить другие реальности. Спекулятивный дизайн служит обществу, ставит неудобные вопросы и проектирует предпочтительные сценарии будущего. Это этичный дизайн, работающий на грани мечты, проектирующий альтернативу капиталистическому, рыночному дизайну и шире — миру, в диалоге с людьми и самыми разными специалистами — экономистами, политологами, футурологами, социологами, биологами и др.

В практике спекулятивного дизайна проявляются основные либертарные принципы: движение снизу, сетевая работа, постановка вопросов и совместный поиск ответов, разноо-

бразие, равенство разного. Спекулятивный дизайн, в первую очередь, переосмысляет роль самого дизайна. В то же время — критически осмысляет мироустройство и предлагает альтернативные его варианты, основанные на разнообразии мировоззрений и ценностей. По сути, спекулятивный дизайн является практическим воплощением либертарной теории в дизайне сегодня.

Если смотреть на историю дизайна через либертарную оптику, то в такой истории сохраняется свободный творческий дух дизайна и его изначальная гуманистическая миссия. С другой стороны, если сами дизайнеры используют в своей практике либертарную оптику, то появляется надежда. Надежда не только на мир — другой, альтернативный сегодняшнему, атомизированному, распадающемуся и рассыпающемуся, при этом под управлением капитала и корпораций, но и на будущее для этого мира. Либертарный подход в дизайн-деятельности позволяет пересмотреть роль дизайна в современном обществе. По сути, сегодня речь идёт не о мире дизайна, а о дизайне мира.

Литература

1. Папанек, В. Дизайн для реального мира. М.: Издатель Д. Аронов, 2008.
2. Данн, Э., Рэби, Ф. Спекулятивный мир: дизайн, воображение и социальное визионерство. М.: Strelka Press, 2017.
3. The Designed Realities Lab. [Электронный ресурс] URL: <https://www.designedrealities.org/texts/design-for-the-unreal-world> (дата обращения 30.03.2025).

После часа ноль. Карнавал и политика в послевоенной Германии в 1945–1949 гг.

Глеб Михайлович Семенов

Студент, факультет социальных наук, НИУ ВШЭ.

Электронная почта: glebsem2005@gmail.com

В 1949 году на футбольном матче между командами Германии и Бельгии, прошедшем в Кельне, вместо государственного гимна созданной за несколько месяцев до того ФРГ прозвучала любимая многими немцами карнавальная песня *Ich bin ein Einwohner von Trizonenien*. Теоретиками [см. Карабущенко, 2020] карнавализация политической культуры рассматривается как отклонение от нормы. История знает немало примеров смешения карнавала с политикой. Как правило, речь идет об обществах, вынужденных строить будущее, отказавшись от собственного прошлого в той или иной форме. Логика карнавала вынуждает действовать иначе, и если в нормальных политических культурах процессы протекают закономерно, то в карнавальных — время обретает длительность, а действия теряют последовательность, ибо «карнавал враждебен всякому завершению» [Бахтин, 1990].

Корни карнавализации лежат в заигрывании власти с народом [Карабущенко, 2020] и, наоборот, народа с властью. Именно второй механизм будет лежать в основе нашего исследования. Карнавал — это временная деформация социальной действительности [Бахтин, 1990], и если связывать классическое определение политической культуры, данное Алмондом и Вербой [Almond & Verba, 1963], с понятием карнавализации, намеренная деконструкция становится принципом действия в рамках конкретной политической реальности.

Необходимо сказать несколько слов о взаимосвязи между насилием и карнавализацией. Смех, лежащий в основе кар-

навализации, становится своего рода «взрывом» [Аверинцев, 1992], обеспечивающим переход от несвободы к свободе. Карнавал призван, за неимением иных способов, изменить экономику насилия при помощи смены символической структуры. Тем не менее, в состоянии абсолютной свободы в ее негативной трактовке смех, должно быть, теряет эту функцию. И все-таки он сохраняет свою насильственную природу. Не меняется субъект насилия, но меняется объект.

В определенной степени можно провести параллель между теориями мимезиса и карнавала. Согласно миметической теории, в основе того, что означает истина, лежит механизм «козла отпущения» [Girard, 1972]. Жертвоприношение определяет начало и конец процесса. В то же время позиция жертвы — это одновременно позиция гонителя [Cowdell, 2024]. Таким образом, участники кельнского, майнцского или какого-то ни было еще карнавала оказываются одновременно жертвами (что в послевоенной Германии очевидно) и гонителями (что следует из функционала смеховой культуры).

Отчетливая карнавализация политической культуры, свойственная тоталитарным обществам, продолжается на руинах тоталитаризма, с той лишь разницей, что смех победителей (victors) сменяется смехом жертв (victims) над своим прошлым. А поскольку «жертвы» суть бывшие «победители», карнавал застывает в состоянии абсолютной неопределенности.

Терапевтическое отрицание, лежащее в основе феномена карнавализации, с необходимостью сакрализует действие. Музыка, сопровождающая любой карнавал, задает ритм, но синкопа, лежащая в основе джазового аккомпанемента, по сути своей должна ритм разрывать. Подобно разорванному пространству-времени, лиминальность, устанавливаемая карнавалом, является состоянием в себе, присущим окружающей реальности [Agier, 2017]. В. Борхерт писал — «наше «юпхайди-юпхайда» и наша музыка — это танец над зияющей бездной, и музыка эта — джаз» [Borchert, 2007]. Сказанное в отношении музыки и танца в равной степени можно отнести к карнавалу вообще.

Настроения в послевоенной Германии вписываются в эту рамку. В то время как британцы в 1947 году запретили проведение карнавала в Кельне, французы чуть ли не заставляли

майнцев возобновить традицию. Французский комендант понимал городской праздник как «средство преодоления тяжелого наследия прошлого». «Марш страны дураков», исполненный Баббельнитом, наполнен самообличительным пафосом, соседствующим с пафосом самооправдания. Карнавал в этом смысле представляет собой форму ритуального насилия, в котором коллективное переживание стыда и вины трансформируется в гротескный спектакль, служащий инструментом адаптации к новой реальности.

В послевоенном карнавале неизбежно сочетаются два ключевых антропологических образа, в определенной степени связанных между собой. Это одновременно сакрализованное поминальное застолье и инструмент нормализации бытия. Карнавал амбивалентен. И тем не менее, в послевоенной Германии он неизбежно теряет свой подрывной потенциал, переставая функционировать как утопическое пространство [Agier, 2017]. Упрощенное мироздание, приписанное карнавалу А. Камю [Камю, 1990], становится закономерным продолжением нацистского конформизма, торжеством которого Х. Йенер [Jähner, 2019] называет кельнский карнавал.

Таким образом, карнавализация политической культуры представляет собой сложный, амбивалентный феномен, включающий в себя элементы ритуального насилия, свободы, социальной адаптации и деконструкции прошлого. Карнавал, будучи воплощением механизма мимезиса, может выполнять терапевтическую функцию [Радаев, 2024], но в то же время способен консервировать устоявшиеся модели поведения. В случае послевоенной Германии карнавализация стала частью стратегии коллективного переосмысления истории, позволяя обществу одновременно признать свою вину и дистанцироваться от нее через смех. Однако, как показывают исторические примеры, карнавал остается временной формой политического действия, не заменяя собой подлинного политического преобразования.

Литература

1. Аверинцев, С. С. Бахтин, смех, христианская культура // Бахтин как философ [сб. ст.] М.: Наука, 1992. С. 7–19.
2. Бахтин, М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. С. 199–206.
3. Камю, А. Человек бунтующий. М.: Политиздат, 1990.
4. Карабущенко, П.Л. Карнавальная политическая культура: системный анализ основных категорий // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. №. 2. С. 30–62.
5. Пророкова, М., Радаев, В. Другие способы обращаться с насилием: инструменты нарративной терапии и гонительские репрезентации // Логос. 2024. Т. 34. №. 3. С. 147–172.
6. Agier, M. Le rite carnavalesque. Toujours recommencé, entre transgression et sédition // L'Observatoire. 2017. Vol. 50. No. 2. P. 67–69.
7. Almond, G. A., Verba, S. Political Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. 1963.
8. Borchert, W. Das ist unser Manifest — Das Gesamtwerk. Reinbek. 2007.
9. Cowdell, S. Rene Girard, the nihilism of post-truth, and the escalation of violent undifferentiation // Logos. 2024. Vol. 34. No. 3. P. 123–144.
10. Girard, R., Gregory, P. La violence et le sacré. Paris: Grasset, 1972.
11. Jähner, H. Wolfszeit. Berlin: Rowohlt Verlag, 2019.

Шепот, пение и крик: женские вокальные практики и гендерезированное слушание

Варвара Андреевна Левонтина

Независимая исследовательница, магистр РГГУ,
кафедра Новейшей русской литературы.
Электронная почта: vlevontina@gmail.com

Исследование посвящено роли голоса и индивидуальных вокальных практик в формировании и восприятии образов музыкальных исполнительниц. В популярной музыке гендер и сексуальность оказываются одними из центральных категорий. Манифестация гендера в музыке происходит через несколько компонентов: визуальный, текстуальный и аудиальный. Важнейшую роль здесь играет голос. Исходя из теории гендерной перформативности Джудит Батлер, можно предположить, что социокультурные нормы формируют представления о том, как должен звучать «мужской» и «женский» голос. Эти нормы касаются тембра, интонации, громкости и других параметров звучания: женское звучание ассоциируется с меньшей громкостью и даже динамикой голоса, мужское — с силой, уверенностью и агрессией [Butler, 1990]. Наиболее часто встречается корреляция между высотой голоса и гендерной окраской, где более высокий тембр оказывается более феминным, а низкий, соответственно, маскулинным. Можно распространить концепцию Лоры Малви о гендеризированном взгляде, демонстрирующую влияние стереотипов на способы изображения женщин в визуальных медиа, и на аудиальные [Mulvey, 1975]. Интересно проследить, как гендерные ожидания и представления проявляются в аудиальном контексте, влияя на процессы производства музыки и на то, как слушатели воспринимают и интерпретируют музыкальные произведения. Например, продюсерское вмешательство в звучание исполнительниц может отражать гендерные идеологии, которые подразумевают определенные музыкальные стили и вокальные подходы для женщин. С другой стороны, специфические слушательские практики демон-

стрируют, как гендерные характеристики влияют на то, какую музыку слушатели выбирают и как они ее интерпретируют.

Основная цель исследования — выявить роль конкретных вокальных практик, тембральных и интонационных особенностей в формировании и восприятии сценических образов исполнительниц. Для этой цели необходимо обозначить традиционные маркеры «феминного» звучания; выделить и осмыслить кейсы исполнительниц, прибегающих к неконвенциональным практикам; проследить трансформацию представления о феминности в популярной музыке. Методологически исследование совмещает несколько подходов, в первую очередь семиотический и феноменологический, также мы обращаемся к таким областям знания, как музыковедение, психоанализ, культурологические и гендерные исследования. В современных гуманитарных науках, особенно в контексте изучения звука, наблюдается выраженная тенденция к междисциплинарности. В частности, анализ взаимосвязи между звуком и гендером представляет собой актуальную и малоизученную проблему, требующую внимания.

В своем исследовании я предлагаю к анализу яркие примеры нестандартных женских вокальных практик второй половины XX — начала XXI века. Как кажется, подробное рассмотрение индивидуальных вокальных техник, интонационных и тембральных особенностей исполнительниц, как и продюсерских стратегий в обработке и оформлении голоса, могут углубить понимание как специфики женских образов в популярной музыке, так и самой связи между голосом и гендером, непрозрачной, но безусловно существующей.

В соответствии с переосмыслением гендерных ролей, женские образы в музыкальной индустрии, а с ними и женское пение во второй половине XX века переживают эволюцию: востребованными оказываются исполнительницы, прибегающие к нестандартным вокальным практикам. Например, Джонни Митчел с низким тембром и дрожащим голосом; к. д. лэнг, специфическое пение которой критики ассоциировали с всхлипываниями и икотой; Дженис Джоплин с ее энергичным и яростным голосом, мощной звуковой атакой [Whiteley, 2000]. 1990-е годы в женской музыке во многом определяются феминистским переосмыслением панк-культуры (Riot Grrrl), что сыграло огромную

роль в изменении восприятия женского крика и безусловно отразилось на дальнейшей траектории развития женских образов в популярной музыке. В принципе, если Джоплин, одна из немногих женщин в каноне западной рок-музыки, воспринималась коллегами, как «одна из парней», как бы включалась в рок-культуру в виде исключения, то активистки Riot Grrrl боролись за создание в панк-движении пространства для женщин — как социального, так и музыкального.

В то же время, в случае с поп-музыкой, рыночные механизмы и трансформация гендерных ожиданий оказывают влияние и на вокальную составляющую через формирование требований, которые определяют стандарты вокального исполнения. Показательным здесь будет кейс Бритни Спирс: характерная особенность ее звучания — так называемый *baby voice* — отличается высокими нотами, с выраженным скрипом и интонационным подъемом в конце фразы, создает образ нимфетки, одновременно по-детски невинной и сексуальной. Это звучание явно отличается от естественного голоса Спирс: плотного, с сильной грудной опорой, который можно услышать на записях ранних ее выступлений. Но именно это обеспечило артистке коммерческий успех.

Можно сделать вывод, что вокальная экспрессия играет ключевую роль в создании уникального сценического персонажа каждой исполнительницы. Используемые вокальные техники и стили исполнения подчеркивают или, напротив, деконструируют традиционные представления о гендере. В контексте современных музыкальных жанров, где визуальные и звуковые элементы часто переплетаются, эта связь становится особенно значимой. Вокал может не только отражать гендерные идентичности, но и активно формировать их, создавая многослойные нарративы, которые способствуют переосмыслению традиционных представлений о женственности и маскулинности. Таким образом, вокальная экспрессия не только формирует сценический образ, но и служит важным инструментом в репрезентации гендера, позволяя слушателям установить эмоциональную связь с исполнителем и его сообщением. В заключение, можно утверждать, что исследование категории голоса в контексте гендерной репрезентации открывает новые горизонты для понимания того, как звук и исполнение взаи-

модействуют с культурными и социальными конструкциями, формируя представления о гендерной идентичности в современном обществе. Это подчеркивает необходимость дальнейших исследований в данной области, которые могут углубить наше понимание роли вокала в формировании и трансформации гендерных ролей в музыкальной индустрии.

Литература

1. Деррида, Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: АЛТЕЙЯ, 1999.
2. Долар М. Голос и ничего больше / Пер. с англ. А. Красовец; Предисл. В. Мазина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.
3. Малви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // Антология гендерной теории / пер. с англ. А. Усмановой. Минск: Прописи, 2000.
4. Butler, Judith P. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity // Judith Butler. New York: Routledge, 1990.
5. Ihde, D. Listening and Voice: Phenomenologies of Sound. // Don Ihde. New York: State University of New York Press, 2007.
6. Schlichter, A. Do Voices Matter? Vocality, Materiality, Gender Performativity // Body & Society. 2011. No. 17 (1). P. 31–52.
7. Whiteley, S. Sexing the Groove: Popular Music and Gender // Sheila Whiteley. London: Routledge, 1997.
8. Whiteley, S. Women and Popular Music: Sexuality, Identity and Subjectivity // Sheila Whiteley. London and New York: Routledge, 2000.

Пуританская забота: смерть и конструирование детства в Новой Англии XVII — начала XVIII вв.

Дмитрий Олегович Щербаков

Студент 4-го курса ОП «История», Факультет гуманитар-
ных наук, НИУ ВШЭ.

Электронная почта: doscherbakov@edu.hse.ru

Работы, посвященные проблеме детства эпохи раннего Нового времени, зачастую рисуют мрачную картину: высокие показатели детской смертности, восприятие детей как маленьких взрослых, а также практически полное игнорирование младенцев на ранних этапах их жизни — всему этому во многом способствовал Филипп Арьес, чьи построения взяли на вооружение, в том числе, исследователи пуританской Новой Англии. Ряд исследований, вдохновленных Арьесом, показал, что при близких к европейским показателям детской смертности (примерно 30% не доживало до 10 лет) из-за меньшей плотности населения родители в Новой Англии более остро проявляли свое горе о потерянных детях [Stannard, 1979]. Семья, которую в теологических сочинениях нередко называют *little commonwealth*, в некоторой степени отражала структуру колонии [Demos, 2000].

Основой религиозно-политического проекта пуритан по построению «Нового Иерусалима» была концепция предопределенности к спасению избранной группы людей, которыми себя и видели пуритане. Благополучие детей в условиях построения молодой колонии было важным фактором ее выживания и дальнейшего существования, и современники прекрасно осознавали этот фактор [Stannard, 1979; Moran, Vinovskis, 1985]. При этом теологические сочинения часто подчеркивают «порочность детей». Джон Робинсон, пастор первых поселенцев Нового Плимута в сочинении *Observations Divine and Moral go-*

ворит, что «во всех детях присутствует упрямство и дерзость, истекающие из природной гордости, которую полагается сломить... этот плод природного разложения и корень восстания против Бога, который должен быть уничтожен и который нельзя никоим образом подпитывать...» [Robinson, 1851, p. 246].

Сочетание высокой смертности детей, проекта «Нового Израиля», а также религиозных представлений о детстве вели к тому, что можно охарактеризовать как «пуританскую заботу». Этот феномен заключался в проявлениях заботы, нацеленной на духовное спасение детей в пуританской религиозной парадигме. Если в условиях только зарождающихся медицинских институтов было тяжело обеспечить выживание детей, то общество пуритан фокусировалось на их духовном спасении. Цель доклада заключается в том, чтобы показать влияние восприятия смерти пуританами Новой Англии на конструирование новоанглийского детства. Комбинирование оптик исследований детства и *Death Studies* позволяет говорить о том, что представления о смерти задавали форму проекту детства пуританской Новой Англии.

Шанс попадания ребенка в Ад из-за его «испорченности» был значительно выше [Stannard, 1977; Moran, Vinovskis, 1985], поэтому важной задачей родителей и общины было их наставление на путь покаяния. Страх перед смертью был одним из основных инструментов на этом пути. Формировалась специфическая детская литература, и центральной тематикой этой литературы была смерть. Ярким примером является сборник рассказов о благочестивых детях, истории которых собрал Коттон Мэзер — *A Token for the Children of New England* [Mather, 1781]. Все эти истории заканчивались смертью детей, а сама композиция их умирания копировала позднесредневековую традицию *ars moriendi* [Stabell, 2019].

Страх перед смертью и представления о собственной «испорченности» были структурообразующими элементами при конструировании пуританской модели детства. В попытках спасти души своих детей родители не просто постоянно поименно молились за них, но и стремились научить детей чтению, чтобы те сами могли изучать Писание. Духовное благополучие детей было центральным местом выживания колонии, а понимание их отличия от взрослых вело к созданию специфической

детской литературы, которая нередко фокусировалась вокруг смерти как основного фактора, мотивирующего к покаянию. Тезис Филиппа Арьеса о создании детства в эпоху Нового времени будет правильнее рассматривать с точки зрения того, что в это время детство стало объектом беспокойства со стороны общественных и государственных институтов [Арьес, 1999]. Пуритане Новой Англии, не видевшие возможности реализации проекта построения «Нового Иерусалима» без будущих поколений, являются одним из первых примеров массовой обеспокоенности детством раннего модерна.

Литература

1. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Уральск. Университета, 1999.
2. Demos, J. *A Little Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
3. Mather, C. *A Token for the Children of New-England* // *A Token for Children: being an exact account of the conversion, holy and exemplary lives, and joyful deaths of several young children* / James Janeway. Boston: Printed and sold by Thomas and John Fleet, 1781. P. 78–116.
4. Moran, G. F., Vinovskis M. A. The great care of godly parents: Early childhood in Puritan New England // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1985. Vol. 50 (4). P. 24–37.
5. Robinson, J. The works of John Robinson, pastor of the pilgrim fathers: in III vol., Vol. I / Ed. by William Allen. London: J. Snow, 1851.
6. Stabell, I. L. *Valuing New England Childhood Through the Joyful Deaths of Cotton Mather's A Token for the Children of New England* // *Literary Cultures and Medieval and Early Modern Childhoods*. London: Palgrave Macmillan, 2019.
7. Stannard, D. E. *The Puritan way of death: a study in religion, culture, and social change*. Oxford: Oxford University Press, 1979.

Помнит ли невеста Христова о детстве?

К проблематике не изображения девичества в среднеанглийских визионерских текстах

Екатерина Алексеевна Ершова

Магистрант факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Электронная почта: eaershova_1@edu.hse.ru

Цель доклада — проблематизировать изображение детства в позднесредневековых текстах о женском мистическом опыте. Исследований, посвященных образам детства самих позднесредневековых мистиков, достаточно мало; одной из таких работ является статья Розалин Воаден и Стефани Вульф *Visions of My Youth: Representations of the Childhood of Medieval Visionaries* (2000). Статья рассматривает разницу в подходах к изображению детства в текстах, касающихся мистиков-мужчин и мистиков-женщин. Мужчины подражали автобиографии бл. Августина, описывая греховную юность и обращение к Господу в зрелом возрасте. Тексты, касающиеся женского опыта, напротив, исключают какие-либо упоминания греховности — женщина-визионерка должна была примером всей своей биографии показать свою богоизбранность [Voaden, Wolf 2000, p. 666]. На такой способ рассказывать о себе влияло гендерное неравенство: мужчинам было легче завоевать доверие в Церкви, женщинам же приходилось доказывать свою авторитетность, в том числе идеализируя свое детство с религиозной точки зрения [Там же].

Из этого следует, что визионерки обыкновенно изображены понявшими свой путь «невесты Христовой» с юного возраста: первые мистические опыты и ощущение избранности Богом наступают их еще в детстве, а поведение отличается серьезностью. Так, например, конструируется образ Бригитты

Шведской: она изображена ребенком, не говорившим до трех лет, что вызывало тревогу окружающих ее взрослых; но в три года Бригитта начинает говорить — сразу осмысленно [Birgitta of Sweden 1990, p. 72]. Взрослые не всегда понимают глубины духовного опыта юной Бригитты — тетя чуть не ударяет десятилетнюю Бригитту, когда обнаруживает ее нагой молящейся посреди спальни, расценив этот поступок как распутство [Там же, p. 73–74]. Детство некоторых визионерок как будто представляется подготовкой ко взрослой жизни; детьми они занимаются тем же, чем будут заниматься во взрослом возрасте. Так, Мария из Уаньи, знаменитая бегинка, в детстве любила следовать за процессиями монахов, чтобы ее стопы попадали в их следы на дороге [Jaques de Vitry 1987, p. 27].

Однако интересен факт, что у английских визионерок Юлианы Нориджской (1342/1343–1416) и Марджери Кемп (1371–1438), писавших несколько позже, нарративы о детстве практически отсутствуют, хотя очевидно, что многие из популярных мистических текстов, созданных женщинами или повествующих о женщинах, они читали: в их сочинениях прослеживается знание житий Бригитты Шведской, Марии из Уаньи, Елизаветы Венгерской [Temple 2015].

Так, в тексте Марджери Кемп, создательницы первой английской автобиографии, много описаний детства — но чужого. Это детство Девы Марии, которое она созерцает (I, 6), дети, которых она встречает в странствиях (I, 28; I, 39), ее собственные четырнадцать детей. Описания же своего детства у Марджери крайне фрагментарны. «Книга Марджери Кемп», к примеру, сообщает, что Марджери, будучи девочкой, много задумывалась о природе зла (I, 3). При этом история Марджери — история озарения после долгой жизни во грехе, а не осмысленного в детстве призвания. То есть, описывая свою жизнь, Марджери строит свой нарратив по образцу, более свойственному авторам-мужчинам.

Мало говорит о детстве и старшая современница Марджери Юлиана Нориджская, хотя ее текст в целом менее автобиографичен: он все еще повествует о личном опыте видения и размышлений над ним — но гораздо меньше внимания уделяется биографии Юлианы. Однако фрагменты воспоминаний из детства у Юлианы все же присутствуют: это достаточно

лаконичные упоминания своей матери в краткой редакции, а по мнению переводчицы «Откровений Божественной любви» Юлианы Дресвиной — еще и воспоминания о пришедшейся на ее детство вспышке чумы, воплощающиеся в образе разлагающегося мертвого тела (гл. 64 пространной редакции) [Дресвина 2010, с. 37], что в целом близко наглядности образов, присутствующих в откровениях Юлианы.

Возникает вопрос, почему, учитывая знакомство с пространенными текстами, в которых изображение детства девочки-визионерки следует регламентированной агиографической традиции, Юлиана и Марджери в своих текстах игнорируют практически любые воспоминания о детстве и девичестве (и вообще достаточно вольно обращаются с формой своих сочинений). Размышление над этими деталями разрушает представление о том, что женский позднесредневековый мистицизм — это однородное движение.

В связи с обозначенными лакунами возникает предложение тематизировать визионерские тексты в связи с (не)возникающими в них мотивами детства и девичества. Таким образом, практики, стоявшие за этими сочинениями, станут более ясными: ввиду формульности средневековой литературы, мы увидим вариации, существовавшие внутри одного жанра. Тематический анализ таких текстов визионерок уточняет наше понимание детства в Средние века; вопреки распространенному суждению, детство не всякий раз осмыслялось как подготовка к взрослому возрасту — при этом его переживания могли лечь в основу видений или стать ключом к их пониманию.

Литература

1. Дресвина, Ю. «Откровения Божественной любви» Юлианы Нориджской // Юлиана Нориджская. Откровения Божественной любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 5–61.
2. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.

Векторы

Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных

3. Birgitta of Sweden: Life and Selected Revelations / Ed. M. T. Harris; Trans. Albert Ryle Kezel. New York: Paulist Press, 1990.
4. *Jacques de Vitry*. The Life of Marie d'Oignies / Trans. M. H. King. Toronto: Peregrina Publishing, 1987.
5. *Kempe, M.* The Book of Margery Kempe / Ed. by L. Staley. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/staley-book-of-margery-kempe-book-i-part-i> (дата обращения: 26.04.2025).
6. *Temple, L. P.* Returning the English «Mystics» to Their Medieval Milieu: Julian of Norwich, Margery Kempe and Bridget of Sweden // *Women's Writing*. 2015. Vol. 23, No. 2. P. 141–158.
7. *Voaden, R., Wolf, S.* Visions of My Youth: Representations of the Childhood of Medieval Visionaries // *Gender & History*. 2000. No. 3 (12). P. 665–684.

Одинокий тополь в Калмыкии: локализация сакрального в контексте культовой среды

Евгений Анатольевич Казаев

Студент 3-го курса, Философский факультет,
кафедра философии религии и религиоведения,
МГУ им. Ломоносова.

Электронная почта: kazaev.zhenya@bk.ru

«Одинокий тополь с каскадом родников», по преданию посаженный буддийским монахом Багдохна Хурлын Пурдаш Ламом в середине XIX века, воплощает редкое сочетание природной аномалии — пресные и минерализованные родники на корневище — и живой народной традиции, уходящей корнями в шаманские и буддистские практики калмыков [Наднеева, 2014, с. 134–137]. С 8 октября 1981 г. дерево охраняется как памятник природы регионального значения [Постановление Совмина Калмыцкой АССР № 473], а в 2013 г. у его основания было создано официальное буддийское святилище с белыми ступами, закрепившее его статус *locus sacrum* в религиозном ландшафте республики [Хейчиева, 2017, с. 91–101].

Привычные для «Одинокого тополя» обряды — завязывание ярких шелковых лент (калм. *өлгц*), возжигание лампадок, подношения молоком и маслом, чтение мантр и обкуривание травами (калм. *санг*) — отражают органичное смешение тибетско-буддийских и шаманских практик калмыков, в которых духовное переживание напрямую связано с материалом и телесностью ритуального действия [Хейчиева, 2017, с. 91–101].

С феноменологической точки зрения Мирча Элиаде подчёркивает, что сакральное пространство возникает не как заранее заданная «сакральная геометрия», а в ходе коллективного переживания «места-события» (*place-event*), когда профанному «здесь» придаётся статус центра теофании [Элиаде, 1987, с. 112–115]. Ким Нотт развивает эту мысль, утверждая, что «место силы» обре-

тает значение лишь в непрерывном совмещении мифа, ритуала и телесного опыта участников, без чего сакральность теряет опору в реальном, текущем действии [Knott, 2005, p. 45–63].

Теоретическую рамку исследования задаёт концепция *cultic milieu* Колина Кэмпбелла, рассматривающая «подпольный культурный бассейн» маргинальных и оккультных практик, которые, питая специализированные культы, одновременно проникают в массовую культуру и задают вектор альтернативных духовных поисков (Campbell, 1972, p. 119–136). В XXI веке Иоаннис Гайтанидис и Эрика Баффелли предложили сетевую парадигму *cultic milieu*, подчёркивая децентрализацию сакральных узлов и их распространение через цифровые и офлайн-каналы информации, что позволяет локальным «точкам силы» эволюционировать в узлы глобальных духовных сетей (Gaitanidis & Baffelli, 2004, p. 37–57). Кристофер Партридж развил эту идею, указав на «низовые» сообщества New Age — движения, обменивающиеся символами и ритуальными техниками как в онлайн, так и в ходе живых встреч, что усиливает гибкость и адаптивность *cultic milieu* [Partridge, 2007, p. 151–165].

Выход «Одинокого тополя» за рамки локальной практики произошёл в 2019 г.: тополь занял первое место в национальном конкурсе «Российское дерево года» — за него отдали 13 421 голос на сайте Росдреву.ру, а в феврале 2020 г. занял третье место на международном конкурсе «European Tree of the Year» с 27 411 голосами на treeoftheyear.org. Эти признания породили волну медийного интереса и появление коммерческих «энергетических» экскурсий, что в 2022–2023 гг. привело к двукратному росту паломнических и туристических визитов, зафиксированному региональными службами экологии [Росдреву.ру, 2023].

Нарастающий турпоток вызвал серьёзные экологические риски: региональные отчёты фиксируют эрозию почвы, уплотнение грунта вокруг корней и колебания уровня воды родников, что угрожает долголетию дерева [Марзаева, 2017, с. 144–153]. Этот конфликт между сакральным значением «места силы» и необходимостью биологической устойчивости подчёркивает актуальность разработки сбалансированных стратегий управления особо охраняемыми природными территориями.

Сравнительный анализ Т.И. Шаровой выявляет, что «Одинокий тополь» и гора Богдо формируют в калмыцком

ландшафте взаимосвязанную сеть сакральных «точек силы», объединённых общими мифами, ритуалами и коллективной памятью, что полностью корреспондируется с представлением *cultic milieu* как динамической сети узлов альтернативной сакральности [Шараева, 2017, с. 43–48].

Таким образом, «Одинокий тополь с каскадом родников» предстает не только как памятник природы, но и как гибридная платформа сакрального опыта, где локальная буддийско-шаманская традиция, глобальные New Age-нарративы и современные медиа формируют устойчивую, но постоянно обновляемую модель *cultic milieu*. Для сохранения этого «узла силы» необходим комплексный междисциплинарный подход, объединяющий феноменологию сакрального, сетевую парадигму и принципы устойчивого природопользования [Campbell, 2012].

Литература

1. Наднеева, К. А. Сакральное пространство республики Калмыкия // Социология. 2014. № 1. С. 134–137.
2. Постановление Совета Министров Калмыцкой АССР от 8 октября 1981 г. № 473 «О памятнике природы регионального значения „Одинокий тополь с каскадом родников“».
3. Хейчиева, А. Б. Сакральные места (объекты) в культуре калмыков: Одинокий тополь // Монголоведение (Монгол судлал). 2017. Вып. 11. С. 91–101.
4. Шараева, Т. И. Культовые объекты калмыков: гора Богдо // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 4. С. 43–48.
5. Элиаде, М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1987.
6. Campbell, C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. 1972. No. 5. P. 119–136.
7. Campbell, C. The Cultic Milieu Revisited: лекция. University of Leipzig, 2012. DOI: 10.13140/RG.2.1.4473.3286.
8. Gaitanidis, I., Baffelli, E. The Cultic Milieu: Oppositional Subcultures in an Age of Globalization // Review of Religious Research. 2004. Vol. 65. No. 2. P. 37–57. DOI: 10.2307/3712409.
9. Knott, K. The Location of Religion: A Spatial Analysis. London: Routledge, 2005.
10. Partridge, C. The Re-enchantment of the West: Alternative Spiritualities, Sacralization, Popular Culture and Occulture. Vol. 1. London: T&T Clark International, 2004.

Право монады на спонтанность

Матвей Викторович Листопадов

Студент бакалавриата, 3 курс, факультет
Свободных искусств и наук, СПбГУ.

Электронная почта: listopadov.18@inbox.ru

Современные философы часто признают множественность как фундаментальную категорию бытия. Так называемый plural turn тесно связан с критической теорией и постколониальными исследованиями [Kubota, 2016]. Множественность приходит на смену абсолютному центру. При этом вместе с отказом от единого основания мира мы отказываемся и от притязаний человека на познание и покорение окружающей среды. «У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу» [Делез, Ж. & Гваттари, Ф., 2010, с. 14]. Ризома, как продолжают философы, не имеет кукловода — она организует себя сама посредством нервных волокон [Там же].

Впрочем, сама идея множества не нова: уже умение считать до двух рождает первое множество. Оригинальность плюралистического поворота — в признании этого разнообразия основой онтологии, без попыток свести его к единому центру, как это делала классическая метафизика. Интересно провести мысленный эксперимент: что останется от традиционной системы, если изъять её центральный элемент? В качестве системы для модификации рассмотрим классическую монадологию Лейбница. Наш выбор обусловлен любопытством Делеза к Лейбницу, наличием современных исследований наследия философа-классика, а также «множественным» характером монадологии. Стоит отметить, что среди трудов Лейбница нет центрального произведения, характеризующего метафизику философа. Этим и объясняются возможные разночтения.

Монада есть субстанциальная индивидуальная единица мира, при этом она не имеет «ни окон, ни дверей» [Лейбниц, 1982, с. 418]. Монады отличаются по внутреннему принципу — порядку восприятий. Кроме того, в зависимости от степени ясности перцепций монады могут быть простыми, животными (ключевое отличие — память), душами (уникальная черта — способность осознать себя как часть предустановленной гармонии). «Монада является постоянным живым зеркалом универсума» [Там же, с. 422]. В этой метафоре монада именуется живой. Такая жизнь обуславливается соединением: «Всякая монада в соединении с особым телом образует живую субстанцию» [Там же, с. 405]. Тело, или органическая машина, есть бесконечный фрактал агрегатов других тел и энтелехий: «Всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений, и пруда, полного рыб. Но каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад или такой же пруд» [Там же, с. 425]. Главная функция тела, и материи в целом, — обеспечивать согласованность в порядках впечатлений монад, а значит, обеспечивать единство мира и предустановленную гармонию.

Проблемным для нас оказывается идея единения мира. Как было сказано выше, «физическая реальность» есть гарант согласованности восприятий, при этом действительный мир для Лейбница всегда есть наилучший, а значит, цепочка моих восприятий ведет к лучшему. Джулия Джорати [Jorati, 2013] обращается к этой теме и приходит к выводу, что смена восприятий не происходит по сюжету предустановленной гармонии. Ее аргумент состоит в следующем: представления простой монады-цветка Джима в момент его поглощения коровой не могут означать перехода к лучшему состоянию, так как Джим лишается большей части своего тела-агрегата. Важно, что, раз Джим есть цветок — простая монада, его аффективный переход нельзя объяснить и отложенным благом. Ведь простые монады не могут ни запомнить свои состояния, ни осознать свое положение в гармонии. Таким образом, объяснение смены представлений не зависит от божественного блага. Можно сказать, что это происходит спонтанно, как минимум для самих монад. Бог знает все, что произойдет, но не может вмешиваться в предустановленную гармонию; любое изменение означает переход

к менее совершенному миру. Бог лишь обеспечивает бытие монад, он творит их и обладает исключительным правом их уничтожения. Попробуем возразить этой иерархии Субъекта. Во-первых, можно было бы справедливо заметить, что нам не известны случаи уничтожения монад, и представить процесс довольно затруднительно. Нам легко возразить: лишь Бог обладает знанием всех причин. Не обладает ли он этим лишь потому, что все монады составляют божественное тело? Если так, то мы можем рассматривать Бога как монаду с самым отчетливым восприятием.

Неясным остается таинственный механизм связывания монад в агрегаты. Почему монада цветка Джима может стать элементом монады коровы? Может ли случиться наоборот? Делез [Делез, 1997, с. 194] предлагает следующую интерпретацию: «Словом, «узелок», будучи мембраной или стенкой, осуществляет своего рода отбор среди монад, каковые он принимает в качестве членов; именно отсортированные в «сообщества» и определяют в каждом случае специфичность органических частей, а, стало быть, и специфическое или родовое единство тела, к которому эти части отсылают». Тогда Бог предстает как монада, которая связывает все остальные, она есть возможность этих монад быть множеством. Монады оказываются «освобождены». Монадология теперь рассказывает нам о непрекращающихся спонтанных моментах связывания и развязывания. А единство восприятий гарантируется не запредельным идеальным существом, а ризоматической связью монад, непрерывной и разрастающейся.

Литература

1. Делез, Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010.
2. Делез, Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Общая редакция и послесловие В.А. Подороги; перевод с франц. Б. М. Скуратова. М.: Издательство «Логос», 1997.
3. Лейбниц, Г. В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколова; перевод Я. М. Боровского и др. М.: Мысль, 1982.

4. *Jorati, J.* Monadic Teleology without Goodness and without God // *The Leibniz Review*. 2013. Vol. 23. P. 43–72.
5. *Kubota, R.* The Multi/Plural Turn, Postcolonial Theory, and Neoliberal Multiculturalism: Complicities and Implications for Applied Linguistics // *Applied linguistics*. 2016. Vol. 37. No. 4. P. 474–94.

Социально-экономические факторы образовательной мобильности в России на примере потенциальных студентов первого поколения

Ольга Георгиевна Подбущая

Студент 4 курса бакалавриата, Экономический факультет,
МГУ имени М. В. Ломоносова.

Электронная почта: podbutskaya.22@gmail.com

Введение

Последние несколько десятилетий в России характеризуются стремительным увеличением числа людей, заканчивающих высшие учебные заведения [Капелюшников, 2021]. Несмотря на образовательную экспансию, начавшуюся во второй половине XX века, существует целый ряд исследований, показывающих, что некоторые социально-демографические группы все еще остаются недопредставленными в системе высшего образования — к примеру, есть свидетельства, что в селективных российских университетах мало представлены студенты из семей, в которых родители не заканчивали вуз [Прахов и др., 2021]. Это говорит об актуальности изучения на российских данных образовательных траекторий так называемых *студентов первого поколения* (СПП) — студентов, которые первые в своей семье приняли решение о получении высшего образования. В России исследования, посвященные этой категории учащихся, пока остаются малочисленными [Лукина, 2023].

Данная работа нацелена на изучение образовательных траекторий *потенциальных студентов первого поколения* в России. Под *потенциальными СПП* понимаются школьники, у которых оба родителя не имеют высшего образования. Насколько

автору известно, на российских данных существует единственная эмпирическая работа, посвященная образовательным траекториям потенциальных СПП [Barsegyan et al, 2024]. Оттуда известно, что они имеют более низкую вероятность обучения в селективном университете, а также реже продолжают обучение в магистратуре и аспирантуре. В этой работе сделан фокус на образовательных траекториях потенциальных СПП после 9 класса, а именно — оцениваются (1) различия в устремлениях потенциальных СПП по переходу в 10 класс от устремлений школьников, у которых хотя бы один родитель окончил вуз, а также (2) различия в фактических шансах перехода в 10 класс между этими группами.

Фокусирование на переходе из 9 в 10 класс в российском контексте может представлять особый интерес, поскольку образовательная система в России характеризуется тем, что выбор траектории после 9 класса во многом предопределяет дальнейшие возможности школьника, в частности — шансы на поступление в селективные вузы [Косякова и др., 2016]. Это означает, что принятие решения о переходе в 10 класс играет большую роль в дальнейших возможностях человека, а «неправильный» выбор может усложнять дальнейшую образовательную мобильность.

В работе также предпринята попытка сравнить ранние результаты на рынке труда между выпускниками, которые обучались в статусе СПП, и остальными выпускниками вузов в связи с наличием свидетельств о том, что первые могут испытывать значительные трудности в процессе обучения, что может снижать качество их человеческого капитала и впоследствии влиять на их доходы [Ives et al, 2020]. Из зарубежных работ известно, что ранние результаты на рынке труда между двумя категориями выпускников могут не отличаться [Pascarella et al, 2004]. Тем не менее, они могут начать проявляться спустя несколько лет после выхода на рынок труда в связи с более низким участием выпускников-СПП в программах переобучения [Ford, 2018].

Результаты свидетельствуют о том, что потенциальные СПП в России имеют на 25 п. п. более низкую вероятность наличия намерений на переход в 10 класс и на 26 п. п. более низкую вероятность фактического перехода. Наибольший вклад в объяснение этих разрывов вносят различия двух групп по когни-

тивными способностями и доходной группе семьи. Сравнительно меньшую, но все же значимую долю в объяснение разрывов также вносят различия в целеустремленности между двумя категориями учащихся. Что касается сравнения положения на рынке труда, выяснилось, что ранние заработки двух категорий выпускников не отличаются.

Эмпирическая стратегия

Для ответа на поставленные вопросы в работе используются данные лонгитюдного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТРОП)¹. В первой волне проекта содержатся данные об образовании обоих родителей, что позволяет сконструировать переменную принадлежности школьника к потенциальным СПП (1 — если оба родителя не имеют высшего образования, 0 — иначе).

Для поиска факторов, связанных как с наличием планов на переход в 10 класс, так и с фактическим переходом, сначала оценивается серия моделей бинарного выбора (логит-моделей). В обоих случаях используется одинаковый набор контрольных переменных: пол, средний балл TIMSS², доход семьи, качество школы, регион, а также набор некогнитивных характеристик (целеустремленность, трудолюбие, долгосрочная ориентация).

Дополнительно к оценкам логит-моделей проводится декомпозиция Оаксаки —Блайндера [Оакаса, 1973] разрыва в вероятности наличия намерений на переход в 10 класс и в вероятности фактического перехода в 10 класс между потенциальными СПП и школьниками из семей с высшим образованием, что позволяет понять сравнительный вклад каждой из характери-

¹ Панельное исследование «Траектории в образовании и профессии» (ТРОП – <http://trec.hse.ru/>). Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

² The Trends in International Mathematics and Science Study: <https://timssandpirls.bc.edu/>

стик. Декомпозицию формально можно представить в следующем виде:

$$\overline{\Delta C} = (\overline{X_A} - \overline{X_B})' \hat{\beta}_R + \overline{X_A}'(\hat{\beta}_A - \hat{\beta}_R) + \overline{X_B}'(\hat{\beta}_R - \hat{\beta}_B)$$

Где $\overline{\Delta C}$ — это средний разрыв в вероятности принятия решения о переходе в 10 класс между потенциальными СПП (группа В) и остальными школьниками (группа А), а также разрыв в факте перехода в 10 класс. При проведении декомпозиции за исследователем остается выбор коэффициентов $\hat{\beta}_R$, с которыми проводится сравнение. В данной работе в качестве таких коэффициентов используются оценки, полученные регрессией пула [Neumark, 1988].

Для сравнения раннего положения на рынке труда в работе используются данные восьмой волны ТРОП (2019 год). Оценивается следующая линейная регрессия (МНК):

$$\log(Wages_i) = \beta_0 + \beta_1 FIF_i + \beta_2 HE_i + \beta_3 (FIF_i * HE_i) + \gamma Controls_i + \varepsilon_i$$

Где:

- $\log(wages)$ — логарифм месячной заработной платы
- FIF — принадлежность к статусу потенциального СПП
- HE — наличие законченного высшего образования
- $Controls$ — контрольные переменные, а именно:
 - Пол
 - Часы работы в неделю
 - Регион
 - Тип организации
 - Профессия

Результаты

Логит-модели показали, что переменная принадлежности к статусу потенциального СПП отрицательно и статистически значимо связана как с вероятностью наличия намерений на переход в 10 класс, так и с шансами на фактический переход.

Средняя вероятность наличия намерений на переход в 10 класс у школьников, чьи родители имеют высшее образование, составляет 71%, а у потенциальных СПП — 46%, что означает наличие разрыва в 25 п. п. Схожая картина наблюдается и в вероятностях фактического перехода: они составляют 79% и 53% соответственно.

Значимыми во всех оцененных спецификациях для обоих зависимых переменных также оказываются пол, средний балл TIMSS (как прокси когнитивных навыков) и доходная группа семьи. Что касается некогнитивных навыков, то в модели, в которую включены все контрольные переменные, значимой остается только целеустремленность.

Используемые контрольные переменные смогли объяснить 58% разрыва в вероятностях наличия намерений на переход в 10 класс, при этом наибольший вклад в этот разрыв вносят различия в когнитивных способностях школьников, которые отвечают за почти 30% разрыва (Таблица 1). Высокий вклад также вносят различия в доходных группах — около 17%. Целеустремленность и качество школы, в свою очередь, вносят наименьший, но все равно значимый вклад в объяснение разрыва. Что касается фактического перехода, результаты оказались похожими: используемые факторы смогли объяснить 60% разрыва, при этом по-прежнему наибольший вклад вносят различия в среднем балле TIMSS — почти 34%, а также различия в доходных группах между двумя категориями школьников (15%). Результаты этой декомпозиции представлены в Таблице 2. Среди некогнитивных навыков значимый вклад вносит вновь только целеустремленность.

Говоря о сравнении раннего положения на рынке труда между выпускниками вузов, которые обучались в статусе СПП, и выпускниками из семей с высшим образованием, выяснилось, что ранние доходы двух групп не отличаются.

Табл.1. Декомпозиция Оаксаки — Блайндера разрыва в вероятностях наличия намерений на переход в 10 класс между потенциальными СПП и школьниками из семей с высшим образованием

Декомпозиция разрыва в вероятностях наличия намерений на переход в 10 класс

Параметр	Значение	Вклад
Школьник из семьи с высшим образованием	0.7100	–
Потенциальный СПП	0.4630	–
Итоговая разница вероятности	0.2470	100%
Объясненная часть	0.1440*** (0.0103)	58%
Необъясненная часть	0.1030*** (0.0144)	42%
<i>Объясненная часть:</i>		
Регион	0.0170*** (0.0062)	6.88%
Доходная группа	0.0410*** (0.0064)	16.60%
Средний балл TIMSS	0.0720*** (0.0071)	29.15%
Качество школы	0.0034** (0.0015)	1.38%
Целеустремленность	0.0096*** (0.0028)	3.89%
Трудолюбие	0.0005 (0.0008)	0.2%
Долгосрочная ориентация	0.0002 (0.0006)	0.08%

Источник: построено автором по данным 1 волны ТРОП и TIMSS.

Примечание: в скобках представлены стандартные ошибки, оцененные с помощью процедуры бутстрапа. Кол-во наблюдений = 3046.

* $p < 0.1$ ** $p < 0.05$ *** $p < 0.01$

Табл. 2. Декомпозиция Оаксаки — Блайндера разрыва в вероятностях фактического перехода в 10 класс между потенциальными СПП и школьниками из семей с высшим образованием

Декомпозиция разрыва в вероятностях фактического перехода в 10 класс

Параметр	Значение	Вклад
Школьник из семьи с высшим образованием	0.7964	–
Потенциальный СПП	0.5343	–
Итоговая разница вероятности	0.2621	100%
Объясненная часть	0.1580*** (0.0101)	60%
Необъясненная часть	0.1064*** (0.0149)	40%
<i>Объясненная часть:</i>		
Регион	0.0205*** (0.0068)	7.82%
Доходная группа	0.0408*** (0.0060)	15.57%
Средний балл TIMSS	0.0887*** (0.0080)	33.84%
Качество школы	0.0012 (0.0011)	0.46%
Целеустремленность	0.0065*** (0.0024)	2.5%
Трудолюбие	0.00004 (0.0005)	0.02%
Долгосрочная ориентация	0.0003 (0.0006)	0.11%

Источник: построено автором по данным 1 и 2 волны ТРОП и TIMSS.
Примечание: в скобках представлены стандартные ошибки, оцененные с помощью процедуры бутстрапа. Кол-во наблюдений = 2703.

* $p < 0.1$ ** $p < 0.05$ *** $p < 0.01$

Выводы

Образовательное неравенство в России, которое выражается в недопредставленности некоторых категорий студентов в вузах, начинает формироваться еще на этапе выбора траектории после 9 класса. В данной работе показано, что потенциальные СПП в России представляют собой уязвимую группу, которая имеет заметно более низкие как намерения, так и фактические шансы на обучение в старшей школе, что может усложнять ее последующую образовательную мобильность. При этом те из них, кто все-таки смогли дойти до получения высшего образования, не отличаются от других выпускников вузов по положению на рынке труда (по крайней мере, в краткосрочном периоде). Эти выводы указывают на необходимость изучения (потенциальных) СПП в качестве отдельной социально-экономической группы, требующей особого внимания при попытке анализа механизмов воспроизводства образовательного неравенства в российском контексте.

Литература

1. *Капелюшников, Р. И.* Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. Т. 8. С. 37–68.
2. *Косякова, Ю., Ястребов, Г., Янбарисова, Д., Куракин, Д.* Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. №. 5. С. 76–97.
3. *Лукина, А. А.* Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. 2023. №. 2. С. 133–160.
4. *Прахов, И. А., Рожкова, К. В., Травкин, П. В.* Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию: информационный бюллетень // Мониторинг экономики образования: НИУ ВШЭ. 2021. № 17, С. 48
5. *Barsegyan, V., Maas, I.* First-generation students' educational outcomes: The role of parental educational, cultural, and economic capital – A 9-years panel study // Research in Social Stratification and Mobility. 2024. Vol. 91. P. 100939.

6. *Ford, K.* Persisting gaps: Labor market outcomes and numeracy skill levels of first-generation and multi-generation college graduates in the United States // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2018. Vol. 56. P. 21–27.
7. *Ives, J., Castillo-Montoya, M.* First-generation college students as academic learners: A systematic review // *Review of Educational Research*. 2020. Vol. 90. No. 2. P. 139–178.
8. *Neumark, D.* Employers' discriminatory behavior and the estimation of wage discrimination // *Sex differences in labor markets*. Routledge, 2004. P. 163–177.
9. *Oaxaca, R.* Male-female wage differentials in urban labor markets // *International economic review*. 1973. P. 693–709.
10. *Pascarella, E. T., Pierson, C. T., Wolniak, G. C., & Terenzini, P. T.* First-generation college students: Additional evidence on college experiences and outcomes // *The journal of higher education*. 2004. Vol. 75. No. 3. P. 249–284.

Данные как «новая природа» в компьютерных симуляциях

Михаил Юрьевич Волошин

Преподаватель кафедры философии и методологии
науки, философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Электронная почта: allrour95@gmail.com

Переход к экспериментальному естествознанию в раннее Новое время сопровождался судебными метафорами: экспериментальный объект должен быть подвергнут «пытке», чтобы он сообщил истину о самом себе; «испытуемого» нужно специальным образом подготовить; за экспериментальным явлением должны наблюдать «свидетели», заслуживающие доверия и т. п. [Вуттон, 2018, с. 277–320] При этом «экспериментальный объект», естественно, оказывал сопротивление, вел себя неподобающе, не соглашался сотрудничать, что часто рассматривается как признак особого статуса экспериментального метода: в нем природа способна сопротивляться. С логической точки зрения «сопротивление» природы нашим представлениям о ней нашло отражение в «методе различия» Дж. Милля и процедуре фальсификации К. Поппера. Кажется, что эксперимент из-за особого контакта с Природой предлагает окончательный ответ на исследовательский вопрос, в то время как другие, более теоретические или спекулятивные формы знания (теория, модель), слишком произвольны, поскольку оторваны от материальной действительности.

Так ли это в случае «вычислительного эксперимента» — компьютерной симуляции? Кажется, что, поскольку компьютерное моделирование крайне произвольно и не контактирует с Природой непосредственно, здесь не требуется никого «пытать» и никто не «сопротивляется»: изучаемый объект в работе с данными исключительно покладист и способен выдать все,

что хочет получить (ис)следователь [Guala, 2002; Morgan, 2003]. Есть стабильный слой данных и есть произвол исследования в том, что с ними можно сделать. Тем не менее, данные а) нужно подготовить и б) они сопротивляются.

«Добыча данных» (data mining) — серия специальных процедур подготовки «сырых данных» (raw data) к использованию — происходит в «сухих» лабораториях (dry labs) и, по существу, состоит в том же, что и процедуры приготовления к эксперименту [Липкин, 2011]: объект должен быть стабилизирован и стандартизирован, приведен к общему виду «идеального объекта», манипуляции с которым в экспериментальной установке (программной оболочке, в случае данных) могут дать эпистемически значимый результат. Часто «добыча данных» включает их визуальную репрезентацию, что означает серию переводов (данные в исходном виде — данные в формате, читаемом программой — визуальные данные, распознаваемые человеком). И такая визуализация может показать ошибку в «сырых данных» [Webmoor, 2015; Rijcke S., Beaulieu A., 2014], что было бы невозможно, если бы данные были стабильной и неизменной основой, а алгоритмы и модели — гибкой надстройкой. Итог манипуляций с данными может быть двояким: можно усомниться в теоретических допущениях, а можно посчитать, что объект недостаточно хорошо подготовлен. Как и в каноничном примере воздушного насоса Р. Бойля [Shapin, Schaffer, 2011], всегда можно поставить вопрос: говорит ли в эксперименте «сама природа»/«сами данные» или экспериментальная установка.

Манипуляция данными во многих аспектах аналогична манипуляциям в экспериментальной установке. «Если электроны можно напылять, то они реальны» — говорит Хакинг, но и в случае манипуляций виртуальными объектами есть большие основания утверждать, что именно в силу манипулируемости эти объекты имеют отношение к Природе за пределами лаборатории. Так, виртуальные атласы головного мозга, позволяющие произвольно манипулировать образами, гарантируют более достоверное знание и меньшую вероятность ошибки [Rijcke S., Beaulieu A., 2014], а манипуляция моделями молекул дает биоинженеру «ощущение, как будто держишь что-то и чувствуешь это» [Alaš, 2014, p. 165].

Достаточно давно в эпистемологии закрепились идея, что природа конструируется в лаборатории: эксперимент дает доступ к особым образом препарированной природе. Эта идея может быть аргументом как в пользу конструктивизма, так и против него. Но в обоих случаях виртуальные эксперименты относятся к данным практически так же, как материальные эксперименты — к природе. Эта параллель — больше, чем просто аналогия. Она основана на том, что оба вида экспериментов включают в себя существенный момент: моделирование.

Литература

1. Вуттон, Д. Изобретение науки: Новая история научной революции. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2018.
2. Липкин, А. И. Структура современного физического знания // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2011. №1. С. 46–62.
3. Alač, M. Digital scientific visuals as fields for interaction // Representation in scientific practice revisited / Eds. Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 61–87.
4. Guala, F. Models, simulations, and experiments // Model-based reasoning: science, technology, values / Eds. Magnani L., Nersessian N. NY: Springer Science+Business Media, 2002. P. 59–74.
5. Morgan, M. Experiments without material intervention: model experiments, virtual experiments and virtually experiments // The philosophy of scientific experimentation. Ed. Radder H. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003. P. 216–235.
6. Rijcke, S., Beaulieu, A. Networked neuroscience: brain scans and visual knowing at the intersection of atlases and databases // Representation in scientific practice revisited / Eds. Coopmans C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P.131–152.
7. Shapin, S., Schaffer, S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors). Princeton: Princeton University Press, 2011. 448 p.
8. Webmoor, T. Algorithmic alchemy, or the work of code in the age of computerized visualization // Visualization in the Age of Computerization / Eds. Carusi A., Sissel Hoel A., Webmoor T., Woolgar S. NY: Routledge, 2015. P. 19–39.

Деликтная ответственность за совместно причиненный вред

Антон Михайлович Кольчугин

Аспирант 1 курса, Кафедра гражданского права
и процесса и международного частного права, Российский
университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Электронная почта: 1142240457@pfur.ru

Исторический анализ деликтной ответственности за совместно причиненный вред открывает возможности для системного ответа на вопрос об основании и критериях такого рода ответственности. Продемонстрировать актуальность данного вопроса возможно при первичном рассмотрении ситуации: несколько лиц причинили внедоговорный вред лицу. Допустимо ли разграничить характер и объем действий лиц, причинивших вред? Имеет ли значение объединение действий делинквентов? При объединении действий делинквентов можно ли различить степень вины каждого из них? Влияет ли функциональное разграничение действий делинквентов на характер и степень ответственности? Как разрешить данную ситуацию, если только совокупный характер действий делинквентов позволил причинить вред? Какое значение имеет совместный характер действий лиц, причинивших вред, в сравнении с причинением вреда единому экономическому интересу потерпевшего? Влияет ли растянутое во времени накопление негативных последствий на характер и объем ответственности делинквентов?

В последнее время возобновляется дискурс о критериях и моделях деликтной ответственности за совместно причиненный вред, однако в исследованиях не приводится анализ исходной посылки данного рода ответственности [Маркелова, 2024, с. 41; Тололаева, 2020, с. 144; Епихина, 2018, с. 98].

Вопрос о сущности солидарной и долевой ответственности возникает в ситуации, когда несколько лиц причинили вред, но возможно разграничить характер, степень и объем вреда конкретного лица.

Ответственность не считается солидарной, если можно определить, кто причинил конкретную часть вреда. В таком случае, ответственность является даже не столько долевой, сколько индивидуальной — каждое лицо несет ответственность исключительно за собственный причиненный вред.

В эпоху римского права, как истока развития учения о частном праве, существовала избирательная и кумулятивная солидарность. Избирательная солидарность предполагала прекращение обязательства при исполнении в отношении одного из кредиторов (активная избирательная солидарность) или при исполнении одним из должников (пассивная избирательная солидарность). Кумулятивная солидарность, которая возникала только на стороне должника, подразумевала ответственность каждого из делинквентов в полном объеме: «Ведь согласно Аквилеву закону, если один привлекается к ответственности, другой не освобождается, если на нем лежит вина» (D. 9.2.11.2). Иными словами, исполнение со стороны одного из делинквентов в полном объеме не освобождало от ответственности других делинквентов. Кумулятивная солидарность в деликтных обязательствах исходила из штрафной природы ответственности и иска [Дождев, 2021, с. 441].

Правило, которое сохранилось со времен юристов прошлого, гласило: «Если несколько людей уронят бревно и придавят человека, по мнению древних, все они подлежат закону Аквилы» (D. 9.2.11.4). Модель солидарной ответственности правонарушителей выстраивается на основании причинения вреда при совместности усилий правонарушителей. Каждый из правонарушителей виновен в деянии, поскольку каждый из них прикладывал часть усилий, вследствие чего каждый привлекается за содеянное в целом (D. 47.2.21.9). Единый функционал, общая цель и совместный характер действий выражают совместный умысел правонарушителей, выступая критерием солидарной ответственности.

В ситуации функционального разграничения действий правонарушителей, повлекших причинение вреда единому

интересу, допускалось применение модели солидарной ответственности: «Итак, если кто-то нанесет рабу смертельную рану и этого же раба через какой-то промежуток времени другой ранит так, что тот умрет еще скорее, чем умер бы от первой раны, то пусть будет постановлено, что обоих нужно привлечь по Аквилеву закону» (Iul. 86 dig., D.9.2.51 pr-1).

С другой стороны, при функциональном разграничении действительно возможно определить роль, последовательность и взаимосвязь действий каждого правонарушителя, однако однозначно решить, кто же из правонарушителей более виновен практически невозможно, в связи с чем применение модели кумулятивной солидарной ответственности оптимально.

В оппозицию применения модели солидарной ответственности при функциональном разграничении действий правонарушителей Цельс ссылается на исторически сложившийся подход более ранних юристов: «Цельс пишет, что если один нанес смертельную рану, другой же потом убил раба, то первый преследуется по закону не как убийца, но как нанесший рану, ибо пострадавший умер от другой раны, а второй подлежит закону как убийца. Так думал и Марцелл, и это вероятнее всего» (D. 9.2.11.3).

В ситуации кумулятивной причинно-следственной связи, когда действий каждого из правонарушителей было достаточно для причинения вреда, римские юристы склонялись к разграничению ответственности каждого из правонарушителей. Однако, из приведенного казуса очевидно, что смертельная рана предопределила смерть раба, а вторая рана лишь приблизила ее.

Применение римскими юристами модели солидарной ответственности при достаточности действий каждого из правонарушителей для причинения вреда при очевидности наступления идентичного результата вызвало дискурс среди современных сторонников экономического анализа права [Landes, W. M., & Posner, R. A., 1980, с. 527]. Построение формулы ответственности, включающей выделения доли степени участия на рынке, максимальных возможностей причинения вреда, соотношение эффективности действий и понесенных затрат, не позволяет ответить на вопрос о характере ответственности создателя и фактического причинителя вреда. Формальное уравнивание

причин позволяет преодолеть проблему определения степени виновности создателя и фактического причинителя вреда.

Наличие экономической неопределенности в вопросе степени вины создателя и фактического причинителя вреда не может влиять на «социально оптимальный» размер ущерба, поскольку нарушает главенствующий принцип деликтного права, принцип корректирующей справедливости.

Даже в ситуации невозможности определения, кто из правонарушителей причинил вред, а кто создал причину причинения вреда, к ним применялась кумулятивная солидарная ответственность (D. 9.2.11.2). С юридической точки зрения, применение модели солидарной ответственности при альтернативной причинно-следственной связи спорно, поскольку даже проступок или случайность наделяет лицо статусом правонарушителя, который несет ответственность вместе со всеми. Сведение малозначительной причастности лица к причиненному вреду недопустимо для наделения его статусом правонарушителя.

Таким образом, римская модель кумулятивной солидарной ответственности, характеризующаяся штрафным характером, обязательным наличием физического действия, разграничением ответственности каждого правонарушителя в ситуации очевидности идентичного результата их различных действий в совокупности с допустимостью неточного определения правонарушителей, выступила общей посылкой для современных законодателей, которые выстраивают собственные модели солидарной ответственности правонарушителей исходя из комбинирования характера умысла, причинно-следственной связи и раздельности причинения вреда.

Литература

1. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. II. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008.
2. Дождев, Д. В. Римское частное право: учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.
3. Епихина, Д. О. Ответственность за совместно причиненный вред // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 88–128.

Векторы

Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных

4. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor: текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2020.
5. Маркелова, А. А. К вопросу о разграничении солидарной и долевой деликтной ответственности / А. Маркелова // Цивилистика. 2024. Т. 1. № 2. С. 36–48.
6. Тололаева, Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография / Н. В. Тололаева. М.: Статут, 2020.
7. Landes, W. M., & Posner, R. A. Joint and Multiple Tortfeasors: An Economic Analysis // The Journal of Legal Studies. 9(3). 1980. Pp. 517–555.

Новая телесность в терапевтической культуре

Ирина Сергеевна Рыбакова
Магистр психологии НИУ ВШЭ,
независимая исследовательница
Электронная почта: isrybakova@edu.hse.ru

В последние годы исследователи все чаще говорят о терапевтическом повороте, в рамках которого психология как наука и практика вышла за пределы кабинетов и научных лабораторий и стала обретать форму мыслительной парадигмы [Furedi, 2004]. Одним из проявлений этой терапевтической парадигмы становится новый взгляд на тело и телесность, которые теперь рассматриваются в радикально новом онтологическом ракурсе. Мы предполагаем, что в терапевтической психологии как медиализованной практике тело также конструируется в новом регистре — регистре осознанности, связи тела с психологическим и духовным регистрами бытия, подобно другим онтологическим регистрам телесности [Мол, 2018].

Новый взгляд на тело, предлагаемый современной психотерапевтической парадигмой, обнаруживается в нескольких аспектах. Во-первых, тело перестает быть тем, к чему мы имеем непосредственный доступ в ощущениях, и становится некоторым объектом, отчужденным от нас, с которым нам только предстоит научиться взаимодействовать. К эстетическому и медицинскому регистру, связанным с нормативными концептами «красоты» и «здоровья», добавляется также регистр, связанный с концептом «осознанности», которую необходимо развивать для достижения психологического благополучия и, в свою очередь, достижения большей управляемости телом. Как и другие регистры, осознанность никогда не дана непосредственно и является недостижимым идеалом. Быть здоровым и красивым уже недостаточно, важно «чувствовать свое тело».

Во-вторых, тело становится источником некоторого знания, дающего доступ к бессознательным процессам. Этот фокус связан с возникновением в классическом психоанализе теории бессознательного. Тело — индикатор психологического состояния не только в рамках телесно-ориентированных направлений терапии, но и в терапевтическом дискурсе в целом. Тело дает нам доступ к эмоциям, тому, что мы переживаем по-настоящему. И этот доступ не дан нам непосредственно, мы его получаем, развивая телесную осознанность, в кабинете психотерапевта, майндфулнес-практиках, физических упражнениях. Тело помнит наши травмы, события из жизни. В популярной культуре это находит выражение в постулатах «Прислушайся к своему телу», «Тело помнит все». Тело становится тем, что напрямую выражает наше бессознательное. Отсюда вытекает третий, аксиологический регистр уважения к телу. Тело более не воспринимается как то, что мешает духовному и психологическому регистру, но как то, без чего невозможно подлинное бытие. Тело больше не клетка, ограничивающая наш дух, а одна из ключевых дверей/путей нашей актуализации. В практиках повседневности этот концепт уважения к телу находит отражения в новых ценностных аспектах, связанных с физическим здоровьем, усилением медиализации. Забота о здоровье, в свою очередь, начинает вписываться в общий процесс реализации ценности тела, уважения к нему («мое тело — мой храм»). Тело становится тем, что бесценно, неповторимо, уникально, что является отходом от парадигмы унификации, присущей взгляду на тело XX века. [Корбен и др., 2019]

Значение новой телесности в терапевтической культуре, с одной стороны, может быть рассмотрено как продолжение общей тенденции развития психологии как инструмента управления [Rose, 1998]. В этом смысле новая телесность создает новый способ отношения с телом, делаая его более эффективным и управляемым. С другой стороны, возможен и полярный взгляд на новую телесность как на то, что обладает освободительным потенциалом — телесная осознанность как возвращение контакта с тем, что было отчуждено. В более широкой перспективе рождение новой телесности в контексте психотерапевтической парадигмы представляется инверсией по отношению к тому шагу от тела, который сделал возможной символизацию и язык.

Литература:

1. История тела. Том 3. Перемена взгляда: XX век. 2-е изд. / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: НЛО, 2019.
2. *Ле Гофф, Ж., Трюон, Н.* История тела в средние века. М.: Текст, 2008.
3. *Мол, А.* Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Hyle Press, 2018.
4. *Фуко, М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
5. *Furedi, F.* Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age. UK: Routledge, 2004.
6. *Rose, N.* Inventing out selves: Psychology, power and personhood. UK.: Cambridge., 1998.

Разделяй и властвуй: Применение парадигмы распределённого познания для исследования терапевтических процессов.

Илья Александрович Чесноков
Факультет психологии ИОН РАНХиГС
Электронная почта: ilusa7610@gmail.com

Кристина Альбертовна Мустафина
Магистр нейropsychологии (Maastricht University),
преподаватель кафедры общей психологии,
факультет психологии ИОН РАНХиГС
Электронная почта: kristina.a.mustafina@gmail.com

Михаил Александрович Варёнов
аспирант, стажёр-исследователь ЛКИ ИОН РАНХиГС
и преподаватель кафедры общей психологии,
факультет психологии ИОН РАНХиГС
Электронная почта: michael.varenov@mail.ru

Наши мысли о мыслях во многом определяют ход терапии и её успешность. Одним из первых на важность метакогнитивного компонента обратил внимание Эдриан Уэллс, и, как правило, в литературе для анализа взаимосвязей метакогнитивных и терапевтических процессов используется либо опросник уже упомянутого выше Уэллса, либо акцент делается на осознании (awareness) и метакогнитивных переживаниях, которые испытывает клиент. Нам кажется, что применение парадигмы распределённого познания (distributed cognition) к терапевтическим процессам поможет нам делать более точные

предсказания и более информативные описания в области. Мы планируем представить обзор по текущим веткам исследований в области соотношения метакогнитивных процессов с терапевтическими.

Необходимость рассмотрения метакогниций в рамках распределенного познания, на наш взгляд, обусловлена тем, что терапевтический процесс происходит с участием как минимум двух агентов. Предыдущие исследования довольно редко обращали внимание на метапроцессы терапевта. В рамках своего взаимодействия терапевт и клиент формируют систему, в рамках которой они обмениваются знаниями. Это взаимодействие направлено на удовлетворение запроса. Эффективность решения будет зависеть от процессов и феноменов, специфичных для распределённого познания.

Мы предлагаем несколько исследовательских дизайнов, которые призваны описать взаимосвязь метакогнитивных процессов и терапевтических (в частности, инсайта). Наши исследования позволят выявить тонкие механизмы работы с разными клиентами, и некоторые из наших результатов будут иметь вид предсказательной модели.

1. Первый исследовательский вопрос: как связаны чувство уверенности по отношению к убеждению, социальная верификация или опровержение этого убеждения терапевтом и альянс? Имеющиеся данные показывают, что в большинстве случаев социальная верификация самооценки клиента терапевтом положительно сказывается на альянсе, даже если терапевт верифицирует низкую самооценку клиента [Constantino et al., 2023]. Мы хотим проверить, сохраняется ли такая закономерность при верификации других убеждений (например, о мире, о социальных контактах); также мы хотим проверить, модерируется ли это уверенностью клиента в убеждении. Возможно, для альянса и благополучия клиента стоит не верифицировать убеждение, в котором он не уверен, в результате чего он будет вынужден его скорректировать [Морошкина и др., 2023].

Таким образом, мы планируем собирать метакогнитивные оценки уверенности клиентов, которые будут вноситься касаясь убеждений, обсуждаемых на сессии, после чего сравнивать уровень альянса у клиентов с верификацией и опровержением со стороны терапевта сильных (убеждений с высокой

уверенностью) и слабых (убеждений с низкой уверенностью) убеждений.

2. Второй дизайн представляет собой исследование инсайта и предшествующих ему метакогнитивных процессов. На основании анализа литературы коллег мы выделяем следующий цикл метакогнитивных переживаний, происходящих в ходе достижения терапевтического инсайта: ощущение конфликта в имеющихся убеждениях, затем ощущение на кончике языка, после которого уже и наступает инсайт [Tulver et al., 2023]. Все три метакогнитивных переживания имеют по две измеримые характеристики: время и интенсивность. В итоге мы получаем 6 предикторов. Интенсивность, на наш взгляд, будет вносить прямой вклад в альянс, а время — обратный, так как яркие впечатления будут атрибутироваться к качеству терапии [Тихонов и др, 2018, Laukonen et al., 2019].

Таким образом, мы используем новую парадигму изучения психотерапевтических процессов. Проверяем, работают ли механизмы, выявленные в когнитивных исследованиях, на терапевтических процессах. Подтверждение наших гипотез повлечет за собой значительные теоретические последствия: пересмотр роли и способов измерения метакогнитивных переживаний в психотерапии, а также использование парадигмы распределенного познания для изучения терапевтических взаимодействий.

Литература

1. *Морошкина, Н.В., Зверев, И.В., Нездоймышапко, Л.А., Тихонов, Р.В.* Метакогнитивный мониторинг и контроль в ситуации распределенного познания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2023. № 13 (3). С. 324–346.
2. *Тихонов, Р.В.* Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 3. С. 214–242. DOI 10.21638/11701/spbu16.2018.302. – EDN XZICBV.
3. *Constantino, M. J., Coyne, A. E., Gaines, A. N., Goodwin, B. J., Muir, H. J., Critchfield, K. L., Westra, H. A., & Antony, M. M.* Therapist verification of patient self-concepts as a responsive precondition for early alliance development and subsequent

introject change // *Psychotherapy research: journal of the Society for Psychotherapy Research*. 2023. No. 35 (1). P. 1–15.

4. *Laukkonen, R. E., Kaveladze, B. T., Tangen, J. M., Schooler, J. W.* The dark side of Eureka: Artificially induced Aha moments make facts feel true // *Cognition*. 2019. Vol. 196. 104122. Doi: 10.1016/j.cognition.2019.104122
5. *Tulver, K., Kaup, K. K., Laukkonen, R. & Aru, J.* Restructuring insight: An integrative review of insight in problem-solving, meditation, psychotherapy, delusions and psychedelics // *Consciousness and Cognition*. 2023. Mar. 11. DOI: 10.1016/j.concog.2023.103494

From decision to data: video games as a tool for creating behavioral profiles

Denis Mikhailovich Turunov

Postgraduate student, Faculty of Philology, Department
of Mass Communication, RUDN University.

Email: 1142240179@pfur.ru

Video games are a unique medium. They are not only a form of interactive art and mass entertainment, but also a powerful tool for data collection. They consist of data and cannot exist outside of user interaction. The game code itself is mostly designed to accept and respond to the player's actions. Moreover, all these physical interactions with the software eventually transform into data [Galloway, 2006, p. 2]. Contemporary game projects, especially those based on complex moral choices (e.g., *Detroit: Become Human* (2018) and *The Walking Dead: The Game* (2012)), record a wide range of user decisions in lines of code. Out of context, they are meaningless. However, when incorporated into the game's narrative, they cease to be mere code and instead become a reflection of the player's personality.

The relevance of this study lies in the interpretation of video games as interactive media within the framework of contemporary control society [Deleuze, 1992, p. 4]. New media already collects a vast amount of data about us in real time, trapping us in digital enclosures [Andrejevic, 2007, p. 297]. Video games are one of the most extensive sources of this type of information. Unlike social networks, where data collection is obvious, video games conceal this process behind the mechanics of gameplay. By analyzing player behavior patterns, it is possible to identify not only their preferences but also certain decision-making tendencies, which creates the basis for new forms of social regulation and control.

The aim of the study is to analyze the potential of video games as a tool for collecting and analyzing user data in the context of the concepts of control society and digital surveillance. **The following research objectives** can be outlined:

- **To examine** the mechanisms of collecting and processing data on player behavior in modern video games;
- **To identify** the ethical risks associated with analyzing player decisions and their possible use outside the game context;
- **To determine** the unique role of video games among other digital media in the process of user surveillance.

The research was based on a combination of theoretical and comparative analysis of contemporary discourse and case studies. Key papers on digital surveillance and video games were analyzed and compared to form an overall scholarly framework. Case studies included content analysis of privacy policies and qualitative analysis of in-game statistics from video game projects such as *Detroit: Become Human* and *The Walking Dead: The Game*. An ethical analysis was also conducted, focusing on possible manipulative practices related to the analysis of in-game behavior.

In the discussion, it's worth noting that video games have been the subject of surveillance for a long time. Arcade halls functioned as a kind of *synopticon*, but observed by onlookers rather than corporations [Cybulski, 2014, p. 429]. When games entered our homes, privacy became a concern. However, the growing interest in video games prevented surveillance capitalism from abandoning this medium. Now, video games primarily collect standard surveillance data on player preferences [Zuboff, 2019] This is used, for example, to sell personalized offers in in-game stores. Nevertheless, tracking even purely technical data via telemetry within video games has led to public scrutiny. Examples include the 2018 Red Shell scandal or reports about *S.T.A.L.K.E.R. 2: Heart of Chernobyl*¹

¹ Roskomnadzor, at the request of the prosecutor's office, restricted access to the website of the GSC Game World studio, which developed the *S.T.A.L.K.E.R.* series of games. The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) added the game's website to the register of prohibited sites in the Russian Federation. Today, the game is not recognized as extremist, but the purchase can be

(2024), which, according to players, collects user data every second via GameAnalytics. These tools are marketed as development aids, claiming to collect only quantifiable data and variable changes, and thus purportedly non-threatening. But as mentioned earlier, this data is meaningless only out of context. Within the game's narrative, it represents not just code but qualitative data about each player's behavior in the simulation.

At the end of certain episodes in games like *Detroit: Become Human* and *The Walking Dead: The Game*, players could compare their choices with those of others. This is presented as anonymized statistics in percentages. For example, in one episode of *Detroit*, which focuses on protest demonstrations, players could see that, as of 2018, a majority (72%) chose a peaceful approach, while only 12% favored aggression. Players cannot access individual decisions, but the company can. According to the End User License Agreement, players consent to the privacy policy when using the game. Thus, the developers of *Detroit* have full access to players' personal information and can share it with third parties without explicit consent². This applies not only to personal data specified in the agreements but also to in-game actions. However, this aspect is not explicitly addressed in the agreements, as it currently lacks legal relevance.

But do players realize that this is not just an artificial game world but a simulation? How real are their moral decisions? According to researchers, players understand the game world's mechanics and tend to make decisions based on their moral principles, acting as ethical agents [Sicart, 2008, p. 5]. Every game requires such engagement, and thus every player implicitly accepts these rules.

To sum up, video games are a unique surveillance tool. Their growing popularity offers potential for both practical applications and future theoretical studies. Due to their interactive nature, they

considered as financial support for the Ukrainian Armed Forces. Website gsc-game.com It was blocked at the request of the Prosecutor General's Office dated February 24, 2022 on the basis of Article 15.3 of Federal Law No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection".

² Privacy policy. URL: <https://www.quantidream.com/en/privacy-policy>

can discreetly gather vast amounts of data. The value of this information depends on the narrative framework of the game. One possible type of data could include moral and ethical decisions. Unfortunately, there is currently no effective way to regulate the collection of such data within games. However, the implications are significant, as companies can compile not just interest-based profiles (as with social networks) but also detailed psychological and behavioral profiles. Whether this remains a harmless experiment or becomes a precursor to broader surveillance technologies demands further examination.

References

1. *Cybulski, A. D.* Enclosures at play: surveillance in the code and culture of videogames // *Surveillance & Society*. 2014. Vol. 12. No. 3. P. 427–432.
2. *Andrejevic, M.* Surveillance in the digital enclosure // *The Communication Review*. 2007. Vol. 10. No. 4. P. 295–317.
3. *Deleuze, G.* Postscript on the societies of control // *October*. 1992. Vol. 59. P. 3–7.
4. *Galloway, A. R.* Gaming: essays on algorithmic culture: Electronic mediations. Vol. 18. Minneapolis, MA: University of Minnesota Press, 2006.
5. Privacy policy // *Quantic Dream*. URL: <https://www.quanticroam.com/en/privacy-policy> (date of access: 09.02.2025).
6. *Sicart, M.* How I learned to love the bomb: Defcon and the ethics of computer games // *The 7th International Conference on Entertainment Computing: Entertainment Computing — ICEC 2008* / ed. by S. M. Stevens, S. J. Saldamarco. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2008. Vol. 5309. P. 1–10.
7. *Zuboff, S.* The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. 1st ed. New York: PublicAffairs, 2019.

Советская политэкономия природы, или Как придавать ценность природе в экономике, в которой ценным может быть только труд?

Роман Радиевич Гильминтинов

Кандидат исторических наук, PhD, Научный сотрудник
Центра исследований науки и технологий,
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Электронная почта: rgilmintinov@eu.spb.ru

В своем докладе я обсуждаю проблему укорененности через призму практик придания ценности одному из типов «фиктивных товаров» — природе. По Поланьи, чистый воздух и плодородная почва, леса и водоемы, стабильный климат и минералы, хранящиеся в толще земли, не являются товарами. Они не произведены для продажи и не имеют стоимости [Поланьи 2002, с. 86–87]. Превращая те или иные элементы материального мира в ресурсы (например, лес в древесину) или используя окружающую среду как клоаку для отходов производства, традиционные экономические системы рассматривали природу как «даровое благо». Однако с развитием современной индустрии, которая резко увеличивает техногенную нагрузку на окружающую среду, неся с собой истощение ресурсов и уничтожение экосистем, становятся очевидны ограничения такого подхода.

Основными способами придания ценности природе, которые разрабатывали в течение последних пятидесяти лет экономисты в США и странах Западной Европы, были создание и имитация рынков. Классическим примером первого подхода является торговля квотами на выбросы [Schmalensee and Stavins 2017; Tietenberg 2003]. Имитация рынков используется, например, при применении условной оценки, основанной на технике

опросов. Респондентов спрашивают о том, как потенциальные (при принятии решений о реализации природоохранных проектов) или реальные (при определении ущерба от техногенных аварий) изменения в качестве окружающей среды сказываются на их благосостоянии [Hanemann 1994; Portney 1994].

Но как придавать ценность природе в экономике, в которой отсутствуют рынки? На протяжении долгого времени доминировало мнение, что советская плановая экономика вообще не способна увидеть ценности природы. Она была основана на трудовой теории стоимости, которая подразумевала, что ценность благ определяется по количеству вложенного в них овеществленного и живого труда. Теоретически это означало, что природа должна была остаться в слепой зоне советской экономической мысли [Шумахер 2012, с. 31]. Однако с конца 1960-х гг. теории придания ценности природе разрабатывались сразу в нескольких советских институтах: Научно-исследовательском институте по ценообразованию при Госкомцен, Центральном экономико-математическом институте Академии наук, экономическом факультете Московского государственного университета. Наработки советских экономистов легли в основу целой серии документов, определявших способы придания ценности природе в рамках плановой экономики, — многие из которых продолжают действовать в современной России. В своем докладе я рассказываю о тех решениях, которые позволили советским экономистам разработать нормы платного природопользования и системы ставок за загрязнение окружающей среды, не выходя за рамки трудовой теории стоимости.

В своей работе я опираюсь на подходы, разработанные в рамках междисциплинарного поля исследования практик придания ценности (valuation studies). Эта литература сложилась в 2010-е годы на пересечении экономической социологии и междисциплинарных исследований науки и технологий (science and technology studies, STS) как попытка сделать практики придания ценности объектом эмпирического изучения [см.: Stark 2011; Beckert 2011; Antal et al. 2015; Kornberger et al. 2015; Stark 2020; см. также Жихаревич 2021]. Если в экономической теории придание ценности природе является технической задачей, то социологическая перспектива подчеркивает моральную проблематичность этой практики, связанную с исторически

сложившимися и укорененными в культуре представлениями о границах и допустимости экономического расчета, а также разных его видах [Fourcade 2011; Zelizer 1997]. Для того, чтобы природные блага могли рассматриваться как подлежащие экономической оценке, необходима политическая и культурная работа [Fourcade and Healy 2007; Callon and Muniesa 2005]. В истории капитализма коммодификация «фиктивных товаров» долгие годы сталкивалась с моральным и политическим сопротивлением. Какие социальные рамки определили траекторию схожих процессов в СССР?

Литература

1. Жихаревич, Д. М. Элементы прагматической теории капитализма // Социология власти. 2021. № 1 (33). С. 125–168.
2. Поланьи, К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетейя, 2002.
3. Шумахер, Э. Малое прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение. М.: Высшая школа экономики, 2012.
4. Antal, A. B., Hutter, M., Stark, D. Moments of Valuation: Exploring Sites of Dissonance / A. B. Antal, M. Hutter, D. Stark, Oxford University Press, 2015.
5. Fourcade, M. Cents and Sensibility: Economic Valuation and the Nature of "Nature" // American Journal of Sociology. 2011. № 6 (116). P. 1721–77.
6. Hanemann, W. M. Valuing the Environment Through Contingent Valuation // Journal of Economic Perspectives. 1994. № 4 (8). P. 19–43.
7. Making things valuable / ed. by M. Kornberger [et al.], First edition, Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2015.
8. Portney, P. R. The Contingent Valuation Debate: Why Economists Should Care // Journal of Economic Perspectives. 1994. No. 4 (8). P. 3–17.
9. Schmalensee, R., Stavins, R. N. Lessons Learned from Three Decades of Experience with Cap and Trade // Review of Environmental Economics and Policy. 2017. No. 1 (11). P. 59–79.
10. Stark, A. Value, Externalities, and the Boundaries of the Market // Journal of Social Philosophy. 2020. No. 2 (51). P. 180–204.
11. Stark, D. The sense of dissonance: accounts of worth in economic life. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2011.

12. The Worth of Goods: Valuation and Pricing in the Economy / Ed. J. Beckert [et al.], Oxford, New York: Oxford University Press, 2011.
13. *Tietenberg, T.* The Tradable-Permits Approach to Protecting the Commons: Lessons for Climate Change // Oxford Review of Economic Policy. 2003. No. 3 (19). P. 400–419.
14. *Zelizer, V. A.* The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies / V. A. Zelizer, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

«Контактная зона» Сургутского района — место сосуществования восточных хантов и нефтяников

Арина Станиславовна Чепиго

Научный сотрудник отдела этнографии Сибири
и Дальнего Востока Российского этнографического музея
Электронная почта: acherigo@eu.spb.ru

Доклад основывается на полевых исследованиях автора среди сообщества восточных хантов, проживающих в районе реки Тромъеган (Сургутский район, ХМАО), и посвящен пересечению интересов коренного населения, в частности тромъеганских хантов, и нефтяной промышленности. Начиная с 1990-х гг. в регионе началась интенсивная добыча нефти, что привело к серьезным экономическим, экологическим, социальным изменениям и кардинально изменило жизнь местного коренного населения [Вигет, Балалева, 2014, Новикова, 2014, Dudeck, 2015 и др]. Сургутский район представлен как «контактная зона» — термин, отражающий сложные и неравные, но взаимовлияющие отношения между доминирующей и подавляемой культурой на определенной территории [Pratt, 1991, Ананьев, 2017]. За последние 20–30 лет взаимодействие хантов и нефтяников представляет собой не только конфликтные и асимметричные отношения, но и формирование новой своеобразной культуры, где ханты и нефтяники вступают в сложный диалог и создают новые практики.

Стойбища хантов расположены на ТТП (территории традиционного природопользования), где ведут деятельность крупные нефтяные компании. Согласно закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», государство охраняет территории коренных жителей, которые ведут на них традиционный образ жизни [Но-

викова, 2014, с 63–64]. Реализация этого закона варьируется в зависимости от регионального контекста.

В Сургутском районе на каждом ТТП зарегистрировано около 15–20 нуклеарных хантыйских семей, от каждой из которых выбирается глава, который подписывает документы, принимает компенсации, приглашается на собрания с нефтяниками. Чтобы получить статус главы, ханту (как правило, молодому человеку) необходимо убедить нефтедобывающую компанию, работающую на его ТТП, в том, что он действительно ведет традиционный образ жизни и проживает на стойбище. В представлении инспекторов нефтяных компаний «традиционность» включает наличие у претендента семьи (жены и детей), оленей, избушки, бани и даже функционирующего туалета как доказательства физического проживания семьи на угодьях. В результате возникает новая модель «традиционности», конструируемая не хантами, а логикой контроля нефтяных компаний.

Ситуации, когда претендентам отказывают во включении в реестр из-за отсутствия бани (которая лишь недавно появилась у хантов на стойбище и была перенята у русских) или после проверки туалета, становятся объектом шуток хантов и подчеркивают абсурдность внешнего взгляда на жизнь коренных жителей. Критерии проверяющих также вступают в противоречие с новой реальностью — постоянной мобильностью коренных жителей, которые вынуждены часто ездить в поселок и город за продуктами, к врачу, оформлять документы, продавать рыбу, ягоду и т. д. Так формируется новое понимание традиционного образа жизни, где главным критерием становится физическое присутствие ханта в лесу. Тем самым, система компенсаций превращает жизнь в лесу в форму официальной работы, а самих хантов в носителей традиционной культуры, которые, по сути, получают выплаты по поддержанию традиционной культуры как заработную плату.

Многие трюмгганские ханты по собственному желанию хотят жить в лесу, но контроль их присутствия на стойбище вызывает недовольство тех, кто временно не может там находиться. Так, молодой человек, который в настоящий момент получает образование в городе, но хочет позже вернуться в лес, возмущался тем, что: «Нефтяники как собаке говорят, получается, мне на стойбище сидеть привязанным».

Выплаты компенсаций не сводятся к одинаково выстроенным схемам: каждая семья вырабатывает собственные стратегии получения выгоды. Некоторые информанты утверждают, что могут предугадать приход нефтяников на их территории по собственным экологическим наблюдениям («Если в озере много рыбы, то значит там много нефти») и выдвигать собственные условия, используя аргументы, настойчивость или дипломатию. Если нефтяникам очень нужно начать добычу нефти на определенной территории, а коренные жители понимают ценность своих угодий, то они могут добиться от нефтяников больших выплат и включения сразу нескольких членов своей семьи в реестр, даже если соблюдены не все перечисленные выше критерии.

Нефтяные выплаты обеспечивают хантам финансовую поддержку, но не заменяют полностью необходимость заработка. Для многих хантов основной формой занятости остаётся сезонный промысел (рыболовство, сбор ягод, охота), осуществляемый на ТТП и ориентированный на продажу. Часть мужчин работает в нефтяной отрасли. Молодые ханты часто устраиваются операторами, то есть смотрителями, которые объезжают месторождения, следят за утечками нефти и даже устраняют их последствия. В отличие от других рабочих, приезжающих на работу на рейсовом автобусе, ханты-операторы свободно проезжают пропускной пункт и перемещаются на ТТП на своих частных машинах. По рассказам одного молодого человека, он «халтурщик» — проверяет всего пару точек за день и возвращается домой на стойбище, сильно сокращая рабочий день. Ханты признают, что нефтяники боятся как уволить, так и не взять их на работу, потому что в ответ они могут пожаловаться экологами или выложить видео с разливами нефти в интернет, что грозит проверками и санкциями для начальства. Это не значит, что все хантыйские работники некачественно выполняют работу, однако в случае конфликтов с работодателем они могут пригрозить жалобами на экологические нарушения, что служит рычагом давления и позволяет им избегать наказаний.

Опыт работы на нефтяников у всех разный — кто-то работает десятилетиями, а кто-то почти сразу увольняется, чтобы уделять больше времени оленям и рыбалке. В последние годы хантыйские девушки, получившие среднее профессио-

нальное образование в городе, также начали устраиваться на работу в нефтяные компании. Как правило, они выполняют обязанности на объектах, расположенных рядом с нефтяными месторождениями на ТТП, а их работа связана с контролем за техникой безопасности и проверкой документации.

Нефтедобыча и трансформация ландшафта неожиданно изменили практики оленеводства. Летом, в сезон гнуса, ханты-олeneводы встают даже ночью, чтобы разводить дымокур и отгонять дымом насекомых от оленей. В результате бурения нефтяники выкачивают песок, формируя песчаные холмы и используя его для строительства дорог, вдоль которых теперь самостоятельно пасутся олени, потому что ветер поднимает песок и отгоняет от них гнус. Ханты, в свою очередь, реже делают дымокуры и меньше следят за животными. Как рассказывала информантка: «Нефтяники наших оленей избаловали песком».

«Контактная зона» Сургутского района — пространство, где рождаются новые практики и представления, завязанные на ресурсах и власти. Нефтяная промышленность формирует представления о «традиционности», которая теперь сводится к физическому пребыванию хантов в лесу. Многие ханты стали устраиваться работать в нефтяную сферу — так они могут зарабатывать и одновременно находиться в лесу. Несмотря на то, что тромъеганские ханты подстраиваются под требования и внешние ожидания нефтяных компаний, они находят способы извлекать выгоду и использовать уязвимость системы в своих интересах.

Литература

1. Ананьев, В. Г. Концепт «музея как контактной зоны» в современной зарубежной историографии // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 81–89.
2. Вигет, Э., Балалаева, О. Э. Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 38–72.
3. Новикова, Н. И. «Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии». М.: Наука. 2014.

Векторы

Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных

4. *Dudeck, S. J.* Khanty Subsistence in a Changing Environment — Reindeer Herding and Indigenous Survival Strategies in Western Siberia // Proceedings of the 29th International Abashiri Symposium. 2015. P. 33–40.
5. *Pratt, M. L.* The Arts of the Contact Zone // Profession. 1991. Vol. 91. P. 33–40.

Притязания на представительство партии «Альтернатива для Германии»: успех или провал?

Артем Романович Туренко

Аспирант Школы по политическим наукам, Факультет
социальных наук, НИУ ВШЭ.

Электронная почта: arturenko@hse.ru

На прошедших 23 февраля 2025 г. выборах в Бундестаг правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» (далее — АдГ) показала лучший результат на федеральном уровне, набрав 20.8% голосов избирателей и став второй политической силой в Федеральной Республике Германия. С момента основания в 2013 г. АдГ прошла длинный путь: от «партии одного вопроса» (the niche party) с ясной евроскептической позицией до радикальной правопопулистской партии (the radical right-wing populist party), которая способствовала широкому освещению миграционной проблематики.

Сегодня АдГ может быть охарактеризована как протестная партия, которая по-прежнему привлекает протестный электорат, однако в действительности она вынуждена освещать больший круг тем (например, проблему изменения климата, энергетическую политику и др.), чтобы расширить электоральную базу и стать частью мейнстрима, стать «рукопожатной».

Один из факторов ее электорального успеха — «кризис представительства», означающий, что немецкие граждане не ощущают поддержки со стороны политических институтов, в частности политических партий, которые призваны выражать общественные интересы [Kaltwasser, Taggart et al., 2017, p. 369].

Здесь мы подходим к проблеме политического представительства, разработанной в научной литературе. В этой области ведущий ученый, создавший подход к изучению представительства, — Майкл Савард. Согласно его определению, представительство — это динамичный непрерывный процесс

между представителями и представляемыми. Успешность процесса представительства зависит от того, признаёт ли аудитория его легитимным. Савард разработал теорию притязаний на представительство (the theory of the representative claims), которые служат основой политической репрезентации. Он выделяет четыре компонента таких репрезентативных заявлений: создатель (a maker); субъект (a subject); объект (an object); аудитория (an audience) [Saward, 2010].

На протяжении своего существования АдГ обращалась к определенным социальным группам. С увеличением политического веса партии проблема представительства для АдГ стоит все острее. В партии существуют два «крыла», т. н. умеренно-консервативное и националистическое, соперничающие между собой, что оказывает влияние на саморепрезентацию.

Цель исследования — определить притязания на представительство АдГ в контексте поведения электората, голосующего за партию.

Задачами исследования являются:

- в предвыборной программе 2025 г. выявить социальные группы, к которым апеллирует АдГ;
- сравнить притязания на представительство с электоратом, отдающим голоса за правых популистов.

Источник для анализа притязаний на представительство — программа АдГ на выборы в Бундестаг 21-го созыва, которая была принята на 16-м съезде АдГ (11–12 января 2025 г.).

Мы будем использовать метод изучения притязаний на представительство, предложенный Де Уайльдом [De Wilde, 2013]. Он выделяет три компонента: создатель притязания (claim maker) — АдГ; объект притязания (claim object) — социальные группы; фрейм притязания (claim frame) — как именно АдГ представляет социальные группы.

На основании предвыборной программы 2025 г. были определены основные социальные группы, к которым апеллирует АдГ. К ним относятся:

- Безработные (die Arbeitslose);
- Лица, ищущие убежища (die Asylbewerber);
- Молодежь / молодые люди (die Jugend / die Jugendlichen);
- Народ (das Volk);
- Пенсионеры (die Rentner);

- Полиция (*die Polizei*);
- Предприниматели (*die Unternehmer*);
- Профессора / Научные сотрудники (*die Professoren / die wissenschaftliche Mitarbeiter*);
- Рабочие / рабочий класс (*die Arbeiter / die Arbeiterschaft*);
- Самозанятые (*die Selbständige*);
- Семьи с детьми (*die Familien mit Kindern*);
- Солдаты (*die Soldaten*);
- Студенты (*die Studenten*);
- Учащиеся / школьники (*die Schüler*);
- Фермеры (*die Bauer*).

Анализ показал, что для АдГ как популистской партии важнейшая категория, социальная общность — народ. Правые популисты представляют народ как носитель «ведущей культуры» (*die Leitkultur*); держатель суверенитета; обладатель политической воли; часть христианской европейской культуры. АдГ также поддерживает право европейских народов на самоопределение. Что касается частоты упоминаний тех или иных социальных групп в тексте, АдГ больше всего обращается к семьям с детьми.

Мы увидели, что партия сочетает установки как правого, так и левого популизма. С одной стороны, партия отстаивает традиционные семейные ценности, негативно относится к учащимся, исповедующим ислам, выступает за усиление защиты национальных границ, расширение полномочий федеральной полиции и идейное возрождение бундесвера. С другой стороны, АдГ поддерживает концепцию справедливого страхования от безработицы, призывает сократить размер пособий для лиц, ищущих убежища, которым было отказано в предоставлении убежища, с целью сохранения социальной справедливости.

Соответствуют ли притязания на представительства портрету типичного избирателя АдГ? Согласно сведениям *Forschungsgruppe Wahlen*, на прошедших выборах в Бундестаг правопопулистская партия получила наибольшее число голосов от представителей рабочего класса (29%), самозанятых (18%), лиц, работающих по найму / гражданских служащих (*die Angestellte*, 18%), государственных служащих / чиновников (*die Beamte*, 12%). По данным *Infratest dimap*, в выборку избирателей также попали пенсионеры (13%).

Табл. 1. Соотношение объектов и фреймов притязаний

Объект притязания (Claim object)	Фрейм притязания (Claim frame)
Безработные (<i>die Arbeitslose</i>)	Концепция справедливого страхования от безработицы (21); возвращение лиц, которые ищут работу, к трудовой деятельности в кратчайшие сроки (23)
Лица, ищущие убежища (<i>die Asylbewerber</i>)	Увеличение возможностей трудоустройства (104); сокращение пособий для лиц, ищущих убежища, в случае отказа в предоставлении убежища с целью сохранения социальной справедливости (105)
Молодежь / молодые люди (<i>die Jugend / die Jugendlichen</i>)	Необходимость всестороннего образования (15); пересмотр уголовного законодательства для несовершеннолетних (118); поддержка стремления к стабильному браку и многодетности (147); манипуляция молодыми людьми «транскультотом» (150, 151)
Народ (<i>das Volk</i>)	Немецкие граждане как собственники / домовладельцы (<i>Ein Volk von Eigentümern</i> , 36); отстаивание права европейских народов на самоопределение (86); народ как носитель суверенитета / народный суверенитет (128, 130, 134); народ как обладатель политической воли (128); народ как часть христианской европейской культуры (132); народ как носитель «ведущей культуры» (<i>die Leitkultur</i> , 170)
Пенсионеры (<i>die Rentner</i>)	Предоставление пенсионерам дополнительных налоговых льгот для удержания их на рынке труда (15, 20)
Полиция (<i>die Polizei</i>)	Федеральная полиция как орган по борьбе с нелегальной миграцией (103); улучшение материального положения сотрудников полиции (119); усиление защиты национальных границ (125); расширение полномочий федеральной полиции (125)

Табл. 1. (Продолжение)

Объект притязания (Claim object)	Фрейм притязания (Claim frame)
Предприниматели (<i>die Unternehmer</i>)	Стремление к конкурентоспособной экономике, в которой поощряются инновации и предпринимательство (10); укрепление свободного предпринимательства (10); восстановление доступа к безопасной и доступной энергии с целью улучшения бизнес-имиджа (13); улучшение экономических условий для предпринимателей как средство борьбы с нехваткой квалифицированных кадров (112)
Профессора / Научные сотрудники (<i>die Professoren / die wissenschaftliche Mitarbeiter</i>)	Фокус на преподавательской и научной видах деятельности, а не на написании заявок на привлечение дополнительного финансирования (163)
Рабочие / рабочий класс (<i>die Arbeiter / die Arbeiterschaft</i>)	Повышение личной безопасности сотрудников в центрах занятости (26); улучшение политических и экономических условий для немецкого рабочего класса (112); привлечение квалифицированных специалистов (113); независимая и добросовестная работа государственных служащих (136)
Самозанятые (<i>die Selbständige</i>)	Содействие самозанятости и открытию собственного бизнеса (16)
Семьи с детьми (<i>die Familien mit Kindern</i>)	Предоставление достаточного количества мест в детских садах (20); организация и поддержка ухода на дому (28); налоговые послабления для семей (58, 59, 148); поддержка семейных фермерских хозяйств (72, 73, 74); отказ от основного права на компенсацию для семей, имеющих право на субсидиарную защиту, из числа мигрантов (104); защита молодых семей, в том числе улучшение жилищных условий (110, 148); семья, состоящая из отца, матери и детей (полная семья) как ячейка общества (144); поддержка приемных семей / матерей и отцов-одиночек (144); семейная политика как средство повышения рождаемости (145); создание позитивного имиджа семьи / «сильная семья» как залог «сильного общества» (145, 147); увеличение размера детских пособий (148)

Векторы

Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных

Табл. 1. (Окончание)

Объект притязания (Claim object)	Фрейм притязания (Claim frame)
Солдаты (<i>die Soldaten</i>)	Введение обязательной военной службы (88); улучшение кадрового и материального обеспечения (89); идейное возрождение бундесвера (89)
Студенты (<i>die Studenten</i>)	Применение льгот для студентов с детьми (148); учет только профессиональной квалификации студентов при поступлении (163)
Учащиеся / школьники (<i>die Schüler</i>)	Развитие обучения лидерству (158); развитие дифференцированного обучения (158); образование как обязанность учащихся (159); инклюзия в образовании не должна мешать обучению учащихся (159); сохранение специальных (коррекционных) образовательных учреждений (160); свобода учащихся развивать собственное политическое мышление (160); отрицание особых прав для учащихся, исповедующих ислам (162)
Фермеры (<i>die Bauer</i>)	Фермерские семейные хозяйства как основа продовольственной безопасности (72); вклад в формирование региональной идентичности (72); применение реалистичного подхода в продвижении «зеленых профессий» (73, 74)

Составлено автором на основании предвыборной программы 2025 г., цифры в скобках относятся к номерам страниц в документе.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что часть социальных групп, которые отдают предпочтение АдГ в рамках избирательных кампаний, не представлены в предвыборной программе. Так, АдГ не конкретизирует, к примеру, гражданских служащих. Понятие «рабочий класс» используется в тексте программы единожды, однако рабочие — ключевая электоральная база правых популистов, что особенно заметно в восточных федеральных землях, где голоса за «Левую партию» перетекают к АдГ. Несмотря на то, что АдГ в целом старается охватить различные социальные категории, партия не считается универсальной (зонтичной). АдГ не только утверждает, какие социальные группы она представляет, но и объясняет, кого она не поддерживает (в первую очередь мигрантов).

Источники

1. Das Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 21. Deutschen Bundestag URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2025/02/AfD_Bundestagswahlprogramm2025_web.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
2. Wahlanalyse: Linke bei Jungwählern stärkste Kraft, Union überzeugt Generation 60 Plus // RedaktionsNetzwerk Deutschlands. URL: <https://www.rnd.de/politik/bundestagswahl-wer-hat-fuer-die-afd-und-die-linke-gestimmt-YEM7LUOTVBDJLDSEKQLDALSANE.html> (дата обращения: 05.03.2025).
3. Wer wählte der AfD – und warum? // Tagesschau URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2025-02-23-BT-DE/umfrage-afd.shtml> (дата обращения: 05.03.2025).

Литература

1. De Wilde, P. Representative claims analysis: theory meets method // Journal of European Public Policy. 2013. Vol. 20. No. 2. P. 278–294.
2. Kaltwasser, C.B., Taggart, P.A., Espejo, P.O., Ostiguy, P. The Oxford Handbook of Populism. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Векторы

Сборник тезисов XXIII международной конференции молодых учёных

3. *Moffit, B. et al.* Rethinking Populism: Politics, Mediatisation and Political Style // *Political studies*. 2014. Vol. 62. P. 381–397.
4. *Mudde, C.* The populist zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. No. 1. P. 541–563.
5. *Saward, M.* *The Representative Claim*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

“Two Europes”: antagonized ways of shaping common European identity

Daniil Rodionovich Goncharenko

3rd year BA Political science and world politics, School of Social Sciences, Higher School of Economics — SPb, Research Assistant, Centre for Stability and Risk Analysis, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics.

E-mail: drgoncharenko@edu.hse.ru

Ilya Vitalevich Duev

4th year BA Political science and world politics, School of social sciences, Higher School of Economics — SPb.

E-mail: ivduev@edu.hse.ru

Arseniy Olegovich Karsakov

4th year BA Political science and world politics, School of social sciences, Higher School of Economics — SPb.

E-mail: aokarsakov@edu.hse.ru

Introduction

The EU has been treated as a crisis born system [Cross, 2017] that emerged as a structure to maintain peace, actualizing warfare among European states as a trauma. Such ideas are rooted in theories of EU integration. This paper tries to answer the question “how EU identity is shaped by antagonized political forces from inside?”. Nowadays, the EU finds itself in crisis, with the Russian-Ukraine conflict and Trump’s recent démarche. Our research aims at finding the core units of the European identity in the public discourse of “liberal” and “right-wing” political forces, and how they assemble different “Europes”.

Literature review and conceptual framework

An article by Fabbrini and Zgaga [2024] made a clear distinction between political actors, often referred to as eurosceptic, using three categories: exit scepticism, policy scepticism and regime scepticism. Thus, actors, which will be the focus of our study, are defined as policy and regime sceptics, as they do not aim to exit the EU, but to change it from within. The criticism of the EU comes not from discontent with the idea of uniting Europe, but from the disagreements about ways of achieving this goal, claims Schimmelfennig [2018]. The process of contesting the right to construct European identity by these two sides leads to creating “two Europes”, antagonized to each other [Coman and Leconte 2019].

Methodology

We applied qualitative content analysis and multimodal discourse analysis (MMDA). Using the scope of parties, proposed by Fabrini and Zgaga [2024], we selected the most vocal political forces on both sides and collected their most recent manifestos for European Parliament elections of 2024. Then a 3-stage coding process was implemented [Wesley, 2014], using MAXQDA app. Thus, we were able to identify the main topics, concerning the process of constructing European identity, in the programs, and rate them by the amount of symbols dedicated to them. The coding categories shown in Table 1.

Based on a semiotic approach, MMDA pays attention not only to the text as the main source of representation that can be analyzed, but is also inclusive of other forms of the textual threads, such as “gesture, speech, image, writing, music” [Kress, 2012, p. 36]. In the paper, MMDA is used to analyze how TikTok videos extend an image of “two Europes”.

Choice of TikTok videos as the main units of analysis contributes to the methodological gap in European political studies. We analyzed the materials, relying on an approach introduced by Jaakkola and Sakki [2025]. We also apply concepts of “anchorage” and “relay”, proposed by Barthes [1977]. The first one is used to direct

Table 1. Coding categories for content analysis

Dimension	EU – positivists	EU – sceptics
Nature protection	Pro-ecological agenda	Anti-ecology agenda
Supranational vs intergovernmental (idea level)	EU integration	Europe of nations concept
Supranational vs intergovernmental (policy level)	Strengthening the EU institutions	Will of people – direct, popular democracy; small state
Reason to unite	Securitization, terrorist threat	Need in the strong Europe, able to defend itself
Concept on sovereignty	Europe – continent of production	Economical sovereignty
Set of values	Peace, freedom, rule of law, democracy	Greco-Roman and Judeo-Christian heritage
Internal enemies	Populists	Elites
External enemies and scapegoats	Authoritarian states	Migrants/Liberals

readers of an image to a particular meaning, while “relay” refers to complementary relations between verbal and non-verbal modes.

Results of content analysis

We structured a summed up version of the most important topics, which could be seen in Table 2. Both EU positivists and sceptics share at least 8 antagonized constituents of discourse. However, these shared points are mutually reproducible.

EU positivists securitize supranational sovereignty, treating the Union as a solid entity. This idea is supported by nominating China and USA as geopolitical rivals and Russia as an ontological threat to integration. Positivists are not fighting explicitly right-wing leaders or EU sceptics, but rather the lack of EU institutions’ capacity to act. However, taking their view on EU inner issues, they tend to prioritize policy oriented decisions, for example, the migrant

Table 2. Results of content analysis

EU - positivists parties	Renew Europe (EU party) 1. Europe - continent of production 2. EU integration 3. Peace, freedom, rule of law, democracy 4. Strengthening the EU institutions 5. Authoritarian states 6. Europe - continent of production 7. Ecological agenda	Renaissance (France) 1. EU integration 2. Authoritarian states 3. Peace, freedom, rule of law, democracy 4. Ecological agenda 5. Populist 6. Securitization, terrorist threat 7. Europe - continent of production	CDU/CSU (Germany) 1. Strong Europe 2. EU integration 3. Authoritarian states 4. Securitization, terrorist threat 5. Strengthening the EU institutions 6. Peace, freedom, rule of law, democracy 7. Ecological agenda	EPP (EU party) 1. Securitization, terrorist threat 2. Authoritarian states 3. EU integration 4. Strengthening the EU institutions 5. Europe - continent of production 6. Ecological agenda 7. Peace, freedom, rule of law, democracy 8. Populist	Summed up 1. EU integration 2. Authoritarian States 3. Peace, Freedom, Rule of Law, Democracy 4. Ecological Agenda 5. Securitization, Terrorist Threat 6. Strengthening the EU Institutions 7. Europe - Continent of Production 8. Populism
EU - sceptic parties	Legs (Italy) 1. Europe of nations concept 2. Need in the strong Europe, able to defend itself 3. Will of people - direct/popular democracy; small state 4. Anti-ecology agenda 5. Migrants 6. Economic sovereignty 7. Greco-Roman and Judeo-Christian heritage	RN (France) 1. Will of people - direct/popular democracy; small state 2. Need in the strong Europe, able to defend itself 3. Europe of nations concept 4. Liberals 5. Economic sovereignty 6. Elites 7. Migrants	AID (Germany) 1. Will of people direct/popular democracy; small state 2. Economic sovereignty 3. Migrants 4. Civil nationalism towards migrants* 5. Strong Europe, able to defend itself - issue of borders and national currency* * was a unique topic for this manifesto	ECR (EU party) 1. Europe of nations concept 2. Economic sovereignty 3. Migrants 4. Need in the strong Europe 5. Will of people - direct/popular democracy; small state 6. Greco-Roman and Judeo-Christian heritage 7. Anti-ecology agenda 8. Elitist	Summed up 1. Will of the People - Direct/Popular Democracy; Small State 2. Economic Sovereignty 3. Strong Europe, Able to Defend Itself 4. Europe of Nations Concept 5. Migrants 6. Greco-Roman and Judeo-Christian Heritage 7. Anti-Ecology Agenda 8. Elites

issue, which is treated as a problem from within, while putting foreign policy issues into the domestic EU agenda. Such rhetoric shapes EU identity as a global rather than regional one.

EU sceptics see the approach of collective action as a threat to national self-determination. They critique supranational governance, viewing institutions like the European Commission as “undemocratically elected”. They emphasize the need to empower national parliaments and governments in decision-making processes. However, the frame of external threat differs from EU positivists. Thus, the same example of migrants treated as a problem brought from outside the structure.

While both sides emphasize the need for economic sovereignty, role of defense structures, approaches to these goals are different — EU-sceptics oppose the idea of a united EU army, while this idea circulates in programs of EU-positivists. Unexpectedly, mention of internal enemies is low in all the manifestos.

Results of MMDA

We have analyzed the 4 most illustrative videos on both EU-sceptic and EU-positive sides. Although the total number of similar TikToks is much larger, exactly these 4 represent the major trends. Our analysis is presented in Table 3 and 4.

First, visuals in EU-sceptics’ videos have a common trait — underlining that Europe is not limited by borders of EU. The songs are well-known pop hits, which serve as an effective strategy to boost videos appeal and visibility and construct a sense of togetherness [Feng & O’Halloran, 2012]. “L’Amour Toujours” is especially popular among creators as far-right groups started using it as a background music for chants “*Foreigners out, foreigners out, Germany for Germans*” [The Guardian, 2024].

Users have applied several strategies, including irony and mockery, to present their opponents as a threat, while posing themselves as innocent victims. It is also relevant for videos of EU-positivists, the only difference is group, which is named as “enemy”. Usage of memes and jokes allows lightening initial messages, making them more acceptable and popular.

Table 3. Results of MMDA with EU-sceptics' materials

Source	@defender_of_christ3, TikTok, posted on 24.11.2023	@summitsouli, TikTok, posted on 05.02.2025	@pier275, TikTok, posted on 31.05.2024	@bluteteeYT, TikTok, posted on 18.08.2024
Visual	Videos of old cities of Europe focusing attention on the Imperial time buildings; sculptures by Breker, who worked for Nazi Germany	Featuring a map of Europe; Christian churches; videos of European cities from 1970-80s; a video of a blond young boy	A dialogue in a messenger	The map depicts the countries of the European continent in the color of the national flag
Verbal and music	"I am European and I am proud", said by Eva Vraardingerbroek, Dutch far-right politician; Euro pop, positive upbeat song	"L'Amour Toujours" by Gigi D'Agostino	"L'Amour Toujours" by Gigi D'Agostino	"Kiss me again" by Roy Bee; upbeat speed up electro-pop song
Text	"I am a proud European and what about you?" #proudeurope, #orthodoxchristianity	"Another classical #traditionalism #europa"	#europe #europeanelections #gigidagostino	#xybca #typ #geography #blutetee
Digital	An emoji 🇪🇺. Featured by visuals making pictures look heroic and vicarious	"And our continent is called Europe" written, using the colors of EU flag. "Traditionalism" written in classic font"	Message 1: "I chose who to vote for in the European elections" M. 2: "Who?" M. 3: voice message with "L'Amour Toujours" playing	"Percentage Of Christians in Europe in 2100". On the map, most countries have percentage <20%, except Poland, which has 95%
Message	"Make old Europe Great Again"; acting from a position of power; "Don't be ashamed of your identity"; "History of Europe is great and sublime"	"Preserve the traditions of Europe"; "Europe as a civilization, not just the EU"; "Blonde people = traditional Europe"	"I vote for right-wing parties", "L'Amour Toujours" is a symbol of right-wing movement, which allows identifying its supporters in a subtle way	"There is a decline of Judeo-Christian values due to the spread of Islam"; "Poland is the only country 'defending' European, 'white' culture and heritage"

Table 4. Results of MMDA with EU-positivists' materials

Source	@juste.un.francais, TikTok, posted on 05.02.2025	@european.federalist27, TikTok, posted on 21.03.2023	@loki_marvel_editz, TikTok, posted on 08.06.2024	@try.falls.maps, TikTok, posted on 09.07.2023
Visual	Photo from “Star Wars”, with Obi-Wan opposing Darth Vader in a dark atmosphere	Video of V. Orbán's speech, followed by photos of E. Macron, A. Merkel, J. Borrell, U. von der Leyen, O. Sholtz, M. Dragi, P. Sanchez with lightning bolts over their eyes	Video from the performance of Joost Klein at the Eurovision Song Contest, followed by a series of famous architectural structures of cities and countries that are depicted in the video	The video presents the flag of the EU followed by a series of famous architectural structures of cities and countries that are depicted in the video
Verbal and music	Slowed down version of “Let it happen” by Tame Impala, sad, desperate music	Speech of V. Orbán: “Immigration increases crime, and brings a virus of terrorism”; “One Chance” by MoonDeity - phonic, aggressive music	The speech of Joost Klein before his song “Europapa”, the “Europapa” itself, energetic, fast music	“Everybody wants to rule the world” by Tears for Tears, a song with a deep meaning, hopeful yet sad motives
Text	“Economic imperialism from China, conquest threat from USA, oppression from Russia, one day we will have to rise”	“We accept no lies”; #europeanunion #unitedstatesofeurope #reneweurope #federalism	#europe #world #united #peace	-
Digital	“How does it feel to be European right now”; above Obi-Wan an emoji 🇪🇺, above Darth Vader emojis 🇺🇸, 🇷🇺, 🇩🇪	“Reject demagogues”; Embrace Europe 🇪🇺 in bold font	“I don't care who you are”; “I don't care where you come from”; “All we got is this moment”; “So let's come together”; the flag of the EU and the text inside it: “Europa”	“The European Union”; “Most of freedom”; “And of pleasure”; “Nothing ever”; “Lasts forever”; “Every Wants to Rule”
Message	“Europe is in danger”; “US, China and Russia – enemies of the EU, and are evil”; “To be European today = to be oppressed and in defence to external threats”	“Right-wing politicians are demagogues”; “European Union is anti-demagogic”; “Listed politicians are the leaders of democratic EU”; “Right-wing politicians are liars and are enemies”	“But all these countries are united by the fact that they are located in Europe, and together they are more beautiful and stronger”; “diversity	“The EU is a place of freedom, pleasure, but is threatened by external enemies, who use military tools to fight for power”

Although these videos echo the political stance of the parties, they are often aimed at attacking enemies, appealing to the emotions of viewers, while factual policies are left behind. An example of “anchorage” is the song “L’Amour Toujours”. Just using this song, even without other modes, leads viewers to positive representation of racism, islamophobia, “white power” etc. Concept of “relay” can also be spotted, as in TikToks, music, emojis, filters, videos are used to translate intended emotions, supporting text below, creating a single piece, which has a particular purpose.

Conclusion

Our study has shown how two political forces construct the “Us” vs “Them” dichotomy, using not only the usual means of influence, but also new media. To our knowledge, the analysis of this type of videos has not been done before. Moreover, we identified the main components of European identity, according to EU positivists and sceptics in official and unofficial discourse, and noticed the ways they popularize these ideas. The use of the discursive strategies leads to further affective polarization among the population, with both sides diminishing their opponents and posing themselves as victims.

Bibliography

1. Coman, R., Leconte, C. Contesting EU authority in the name of European identity: The new clothes of the sovereignty discourse in Central Europe // *Journal of European Integration* 2019. Vol. 41, No. 7. P. 855–870. DOI: 10.1080/07036337.2019.1665660.
2. Cross, M. K. D. A Europe of crises. Boston: Cambridge University Press, 2017. P. 1–21. DOI: 10.1017/9781316556498.001.
3. Fabbrini, S., Zgaga, T. Right-wing sovereignism in the European Union: Definition, features and implications // *JCMS Journal of Common Market Studies*. 2023. Vol. 62, No. 2. P. 341–359. DOI: 10.1111/jcms.13497.
4. Gee, J. P., Handford, M. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. New York: Routledge, 2012.

5. *Sakki, I., Pettersson, K.* Discursive constructions of otherness in populist radical right political blogs // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 46, No. 2. P. 156–170. DOI: 10.1002/ejsp.2142.
6. *Schimmelfennig, F.* Brexit: Differentiated disintegration in the European Union // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25, No. 8. P. 1154–1173. DOI: 10.1080/13501763.2018.1467954.
7. *Wesley, J. J.* The qualitative analysis of political documents // *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture*. 2014. P. 135–160. DOI: 10.1075/dapsac.55.07wes.

Память из окна вагона: конструирование символического пространства Российской империи в путеводителях по Великой Сибирской железной дороге

Софья Михайловна Федорова
Магистрант, факультет истории, ЕУ СПб.
Электронная почта: s.fedorova@eu.spb.ru

Будучи построенной в рамках индустриального освоения восточных территорий Российской империи, Транссибирская магистраль являлась инструментом не только вторичной колонизации, но и символической политики. Конструирование образа Сибири и нарратива об истории ее освоения являлось одной из задач железнодорожного проекта, курируемого Министерством путей сообщения. Символическое освоение региона осуществлялось через тиражирование открыток с фотографиями строительства, его репрезентацией на промышленных выставках и издание путеводителей по Великой Сибирской железной дороге. Выпущенные в конце XIX — начале XX века путеводители становились важными медиа для формулирования имперской памяти о присоединении Сибири.

Центральным вопросом исследования является изучение того, как история покорения Сибири рассказывалась на страницах железнодорожных путеводителей. В существующей по данной теме историографии можно выделить две основные дискуссии, затрагивающие разные аспекты данного вопроса, но не отвечающие на него в полной мере. С одной стороны, исследователи рассматривают Транссибирскую магистраль как индустриальный этап колонизации, отмечая ее роль в экономической интеграции региона. С другой стороны, существует

ряд работ, изучающих память о покорении Сибири, которые, однако, упускают из виду Транссиб и посвященные ему туристические медиа. Участвующие в этой дискуссии авторы рассматривают мифологизацию образа Ермака, анализируют региональные сюжеты о завоевании азиатской России, исследуют романтизацию Сибири в качестве русского Нового Света. Таким образом, вопрос конструирования памяти о покорении Сибири в контексте транспортного строительства в позднеимперский период является лакуной в историографии, вклад в заполнение которой вносит данное исследование.

В более полном объеме это позволяет сделать обращение к концепции мест имперской памяти [Geppert, Müller, 2015]. Данный подход отталкивается от идеи Пьера Нора «места памяти», адаптируя ее для изучения процесса конструирования имперской памяти. Такая теоретическая рамка учитывает многообразие участвовавших в нем акторов и уравнивает две разные перспективы — центр и периферию. К. Генан выделяет неподвижные (*fixed*) и передаваемые (*transmissible*) места имперской памяти [Guégan, 2015]. К первым относятся здания, монументы и другие материальные воплощения присутствия метрополии в колонии. Ко вторым относятся фотографии упомянутых выше объектов и туристические медиа, позволяющие транслировать создаваемый образ интегрируемого пространства на широкую аудиторию [Guégan, 2015, p.35]. Путеводители по Сибирской железной дороге выступали в качестве «передаваемого места памяти», воплощающего в себе символическую политику империи по отношению к осваиваемому пространству, выраженную в идее вторичного освоения Сибири средствами транспортной модернизации и железнодорожного туризма.

Основным источником для данного исследования стали опубликованные с 1891 по 1904 гг. путеводители в Сибирь по железной дороге. Можно выделить десять уникальных путеводителей, не учитывая переиздания. Особого внимания заслуживает Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге, ежегодно переиздаваемый с 1900 года, так как его создание курировалось Министерством путей сообщения как часть проекта железнодорожного строительства. Издание 1900 г. воплощало в себе характерные черты как структуры, так и символического языка путеводителей по Сибирской железной дороге. Во-первых, как свидетельствуют

делопроизводственные документы, путеводитель должен был стать не столько руководством для путешественников, сколько сборником актуальных материалов о географии, этнографии и истории региона [РГИА Ф. 364 Оп. 6 Д. 99]. Во-вторых, история освоения Сибири рассказывалась не как хронология завоевания, а как процесс аграрной, промышленной и штрафной колонизации, в котором важную роль играло исследовательское освоение региона. Важной в этом нарративе являлась дихотомия между цивилизованным центром и дикой окраиной [Дмитриев-Мамонов, 1900]. В-третьих, важной частью путеводителя были фотографии, изображающие железнодорожные сооружения, виды городов и природы, портреты местных жителей в этнических костюмах [Дмитриев-Мамонов, 1900]. Иллюстративный материал подчеркивал инаковость Сибири, но позволял взглянуть на нее как на часть единого пространства страны, обозреваемой из окна вагона. Так, путеводители становились «передаваемым» местом памяти о Сибири как о незнакомом диком регионе, который, будучи исследованным жителями центральной России, становился полноправной частью развивающейся современной империи.

Таким образом, анализ источников позволяет выделить три стратегии конструирования памяти о покорении Сибири. Первая — это экзотизация «дикой» Сибири, противопоставленной «цивилизованной» Европейской России. Вторая стратегия — это репрезентация региона как объекта «исследовательской» колонизации. И третья — это описание восточных территорий как просветительской «выставки», знакомящей пассажира с особенностями природы, географии, народонаселения.

Источники

1. РГИА Ф. 364 Оп. 6 Д. 99 «Об издании путеводителя по Сибирской ж.д.».
2. РГИА Ф. 364 Оп. 4 Д. 128, 129, 130 «Об издании путеводителя по Сибирской железной дороге» Часть 2, 3, 4.
3. Гурьев, Н. А. Практический путеводитель по Сибири и Туркестану. Томск: Типография Г. В. Преисман и Н. Я. Беляева, 1896.

4. Краткий путеводитель на Дальний Восток по сплошному железнодорожному пути: Москва — Владивосток — Порт-Артур — Пекин и обратно. СПб.: тип. Э.Э. Новицкого, 1902.
5. Почтовый дорожник Российской Империи. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1903.
6. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова и инженера А. Ф. Здзярского. СПб.: Издание Министерства Путей Сообщения, 1900.
7. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России с подробным дорожником / под ред. В. А. Долгорукова. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1895.
8. Яблонский, Н. В. Путеводитель по железной дороге. От Урала до Тихого океана. Томск: Товарищество Скороп. А. А. Левенсон, 1903.

Литература

1. Сибирь в составе Российской Империи / под ред. Л. М. Дамешека, А. В. Ремнева. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
2. Шенк, Ф. Б. Поезд в современность: мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Geppert, D., Müller, F. L. Sites of imperial memory: commemorating colonial rule in the nineteenth and twentieth centuries. Manchester: Manchester university press, 2015.
4. Guégan, X. Transmissible sites: monuments, memorials and their visibility on the metropole and periphery // Sites of imperial memory: commemorating colonial rule in the nineteenth and twentieth centuries / ed. by Geppert D., Müller F. L. Manchester: Manchester university press, 2015. P. 21–38.

На перекрёстке печатной и мобильной культур: книготорговля на железнодорожных станциях в Российской империи на примере предприятия В. Э. Генкеля

Анна Николаевна Британова

Студентка 5 курса, Санкт-петербургская школа
гуманитарных наук и искусств, Департамент истории,
НИИ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Электронная почта: anbritanova@edu.hse.ru

Пассажиры брали с собой в поездки книги еще до появления железнодорожного сообщения, пользуясь услугами коммерческих компаний, которые задействовали инфраструктуру почтового ведомства. Книги, однако, приобретались вне маршрутов путешествия, поскольку на остановках книжные киоски не предусматривались. Следствием возросшего уровня мобильности после появления регулярного железнодорожного пассажирского сообщения стало создание книжных ларей на станциях железных дорог и специализированной литературы для проезжающих. Предположительно, феномен является отражением социокультурных преобразований, вызванных развитием железнодорожной инфраструктуры.

В то время как железнодорожные книжные киоски были распространенным явлением в европейских странах XIX века, российский контекст остается малоизученным [Naug, 2007, s. 139]. Отдельные исследователи, однако, упоминали стационарные магазины в Российской империи, как правило, они связаны с изучением регионального книжного дела в небольших населенных пунктах. Они отметили роль торговли книгами на станциях для региональной книготорговли, выявили имена

книготорговцев, прокомментировали их биографии [например, Степанов, 2018]. Наталья Александровна Гринченко затронула тему книжной торговли на железнодорожных станциях в двух статьях, в которых она описала основные принципы организации таких предприятий, основываясь на контрактах книгопродавцев с Главным обществом российских железных дорог [Гринченко, 2020; Гринченко, 2023]. Исследования Н. А. Гринченко предполагают необходимость дальнейшего изучения неисследованных аспектов феномена: продолжая разрабатывать это направление, я обращаюсь к репертуару книг, которые были предложены на станциях Главного общества железных дорог книготорговцем Вильгельмом Генкелем [РГИА. Ф. 258. Оп. 5. Д. 354. Л. 106]. Список изданий стоит рассмотреть с помощью подхода, использованного Робертом Дарнтоном, — выявления жанрово-тематических групп [Дарнтон, 2022], что позволит определить книги, которые издатель-книготорговец считал подходящими для чтения в дороге.

Список состоит из 112 позиций, соединяющих художественную литературу (66 пунктов), издания для детей (12 пунктов), религиозную и нравоучительную литературу (4 пункта), справочники и самоучители (9 пунктов), литературу о естественных науках и медицине (5 пунктов), а также изображения, в частности гравюры, карты, снимки, хромофотография, копии с картин (14 пунктов). Кроме того, в списке указаны два произведения, которые нельзя включить в перечисленные группы: сборник эротических стихотворений и исторический очерк. Большую часть составила художественная литература и, в частности, книги из серии «Библиотека для дач, пароходов и железных дорог» (далее — «Библиотека» (42 пункта)). Известная также как «Железнодорожная» серия, она выходила еженедельно в издательстве Александра Смирдина «А. Смирдин сын и К», в котором Вильгельм Генкель был компаньоном [Баренбаум, 2003, 130].

Проект «Библиотеки» соотносился с общими тенденциями европейской издательской индустрии. В XIX веке литература о путешествиях выделилась в отдельную категорию, включавшую книги, как правило составлявшие серию и предназначавшиеся для пассажиров поездов. В 1850-е годы в Германии, Швеции, Франции и Англии появились специальные «библиотеки путешествий и железных дорог». Словом «библиотека» в назва-

ниях обозначали формат серийного издания — коллекции со специально отобранными книгами с единым дизайном, компактным размером и равными ценами [Науг, 2007, s. 70–71]. Для приобретения всей серии покупатели получали бланк со списком изданий, а при выкупе всех книг — приз от издателя. Таким образом, формат серии можно рассматривать как способ привлечения покупателей и формирования собственного читателя-собирателя серии.

На начальном этапе серии европейских издателей включали преимущественно издания с практической информацией: путеводители, справочники и путевые заметки. Позже в них стали добавлять художественно-литературные произведения, тематически связанные с путешествиями [Науг, 2007, s. 71, 74, 79]. В 1870-е годы серийные издания стали дополняться развлекательной литературой. Вильгельм Генкель был одним из первых, кто уже в 1850–1860-е годы посчитал уместным продавать путешественникам художественную литературу, не ограничивающуюся темой путешествия, предлагая форму эскапизма от монотонной поездки по железной дороге.

Обращая внимание на название «Библиотека», стоит отметить, что расширение железнодорожной инфраструктуры привело к развитию строительства домов вдоль линий железных дорог, сформировав дачную культуру в 1860-х годах [Малинова-Тзиафета, 2020, 15]. Она отличалась от культуры традиционной усадебной жизни, что привело к становлению дач символом «железно-демократического века» и новой темпоральности. В отличие от усадеб, дачи не были полноценными домами, а использовались для временного отдыха, часто — в летние месяцы, служа убежищем от городских проблем [Малинова-Тзиафета, 2020, 15]. Озаглавив серийное издание «Библиотека для дач, пароходов и железных дорог», книготорговец Вильгельм Генкель объединил дачную и железнодорожную культуры.

Перспектива культурной истории предполагает анализ взаимосвязей между материальным миром и миром представлений, особенно при изучении идей и социальных практик, возникающих в результате встреч с новыми структурами и объектами [Revill, 2012, 32]. Развитие железнодорожной инфраструктуры в Российской империи в XIX веке привело к транс-

формациям не только в мобильной культуре, но и в печатной. Опыт поездки по железной дороге реструктурировал восприятие пейзажа и создал новые социальные ситуации, в адаптации к которым была значимой практика чтения [Подробнее см. Revill, 2012, 33–34]. Изменения в печатной культуре, понимаемой как совокупность социальных практик создания, распространения и потребления печатной продукции, прослеживаются на разных уровнях [Chartier, 2014, 1].

Взаимопроникновение печатной и мобильной культур можно обнаружить уже в самом появлении станционных книжных ларей, которыми одно время руководил издатель и книготорговец Вильгельм Генкель. Влияние культур друг на друга проявлялось и в репертуаре книг, продававшихся на магистральных Главного общества российских железных дорог, а также в отдельных издательских проектах. В списке печатных изданий 1868 года преобладала так называемая «Библиотека» — издательский коммерческий проект Вильгельма Генкеля, предполагавший серийное издание произведений художественной литературы. Издание может быть свидетельством изменений в печатной и мобильной культурах Российской империи. При этом в европейской издательской традиции железнодорожные серии 1860-х гг. включали в основном тексты, тематически связанные с путешествием, что не было характерной чертой «Библиотеки». Потенциально список может быть использован для изучения изменений в печатной и мобильной культурах Российской империи 1860–1870-х годов в их связи с трансформационными социальными процессами.

Литература

1. Баренбаум, И. Е. Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформПресс, 2003.
2. Главное общество российских железных дорог. Эксплуатационное отделение. О заключении контракта с купцом Генкелем на продажу книг, газет и журналов на линиях Главного Общества (подлинный договор) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 258. Оп. 5. Д. 354.

3. *Гринченко, Н.А.* Контроль за книжной торговлей на магистралях Главного общества российских железных дорог // Цензура в России: история и современность. 2023. Вып. 11. С. 88–110.
4. *Гринченко, Н.А.* Книжная торговля на магистралях Главного общества российских железных дорог в 1860 — начале 1880-х гг. // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Книга в медиапространстве: вчера, сегодня, завтра. XXI Смирдинские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 ноября 2020 г.) / ред. Л. Е. Востряков; СПбГИК. Т. 220. СПб: СПбГИК, 2020. С. 116–124.
5. *Дарнтон, Р.* Литературный Тур де Франс: Мир книг накануне Французской революции. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
6. *Малинова-Тзиафета, О. Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
7. *Степанов, С. В.* Издательская деятельность в Санкт-петербургской губернии (XIX — начало XX века): автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2018.
8. *Haug, C.* Reisen und Lesen im Zeitalter der Industrialisierung: Die Geschichte des Bahnhof- und Verkehrsbuchhandels in Deutschland von seinen Anfängen um 1850 bis zum Ende der Weimarer Republik. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.
9. *Revill, G. K.* Perception, Reception and Representation: Wolfgang Schivelbusch and the Cultural History of Travel and Transport // *Mobility in History: Reviews and Reflections* / Ed. by P. Norton, G. Mom, L. Millward, M. Flonneau. Neuchâtel: Alphil-Presses universitaires suisses, 2011.
10. *Chartier, R.* General Introduction: Print Culture // *The Culture of Print: Power and the Uses of Print in Early Modern Europe* / Ed. by R. Chartier; transl. by L. G. Cochrane. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 1–11.

Жизненные стратегии и тактики сельских учительниц конца XIX века — анализ коллекции ранее не опубликованных писем

Ольга Александровна Брынза
Социальный антрополог,
независимая исследовательница, Саратов, Россия.
Электронная почта: brinza84@mail.ru

Оксана Сергеевна Рымаренко
Культуролог, независимая исследовательница,
Ополе, Польша.
Электронная почта: oksrymarenko@gmail.com

Письма, ставшие объектом нашего исследования, были написаны в 1885–1892 гг. двумя сельскими учительницами их подруге — сельской учительнице. Эти письма из семейного архива никогда ранее не публиковались и не становились объектом изучения.

Сельское сообщество, сложившееся вокруг Николаевского городка и деревни Кувьки в 40 км от Саратова, о котором в письмах рассказывают учительницы, не было типичным для культурного ландшафта провинциальной России. Благодаря созданию в 1865 году Мариинского земледельческого училища (МЗУ), в Николаевский городок приехали преподаватели — высокообразованные и имеющие высокий социальный статус мужчины и их семьи, своего рода аристократия. МЗУ окружали деревни, более 90% жителей которых были неграмотными крестьянами. Между этими двумя социальными стратами-мирами — аристократией и крестьянством — находились авторы писем.

Предметом нашего изучения стала социальная и культурная среда сельского сообщества, его повседневные практики.

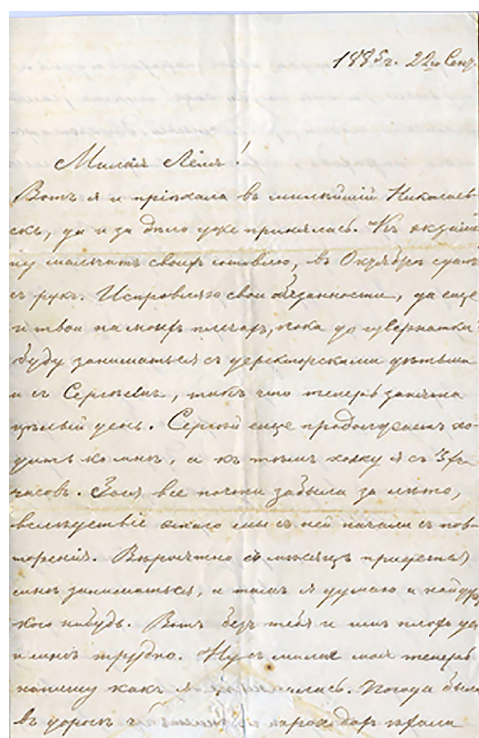

Рис. 1. Мария Павловна Любославова
Ольге Владимировне Милашевской, 22.09.1885

Исследовательские вопросы появлялись у нас в процессе медленного прочтения писем. Мы исследовали биографии персон, упоминаемых в письмах, чтобы определить социальные страты, к которым эти персоны относились. Мы изучили основные коммуникативные черты в общении между членами разных страт. Авторы писем уделяют большое внимание гендерным ролям, поэтому мы решили не упускать эту проблему из рассмотрения.

Архивные документы, находящиеся на хранении в ГАСО, РГИА, а также в частных коллекциях, и справочники конца XIX века стали нашими основными источниками.

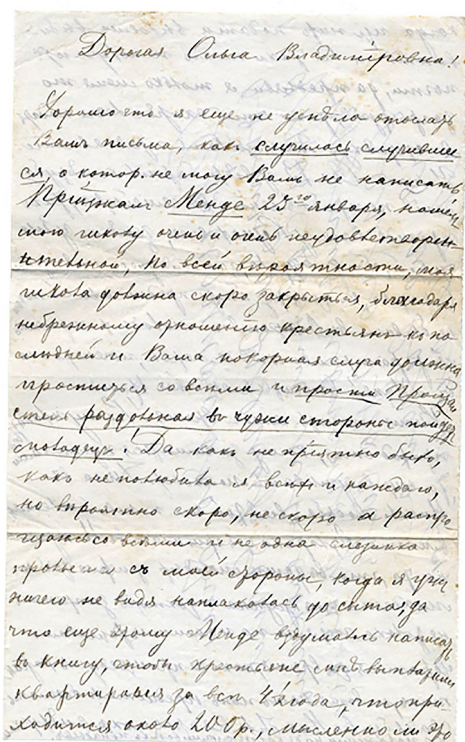

Рис. 2. Анна Порфирьевна Осипова Ольге Владимировне
Милашевской, январь 1891

Авторы адресовали письма своей подруге, которая была знакома с членами сообщества, поэтому имена персон «зашифрованы» — в некоторых случаях это сокращения от фамилий и имён-отчеств, как, например, «Крифк.» или «Ольг. Ник.», в других — инициалы. Чтобы превратить сокращения в имена, судьбы и социальные статусы, мы применили сравнительный метод.

Изучаемые нами письма мы рассматривали в историко-культурном контексте, принимая во внимание, что они — часть процесса коммуникации.

Преподавателей МЗУ и членов их семей — дворян и попавичей, представителей локальных дворянских родов мы выделили в отдельную страту, дав ей название «аристократия».

Вторая страта — крестьяне, детей которых обучали учительницы.

Учительниц, а также мужчин-служащих МЗУ и его учеников из сословия купцов и мещан, мы отнесли к «промежуточной» социальной страте.

С социально-культурной перспективы аристократию и крестьян можно рассматривать как два разных мира.

Аристократы, а особенно аристократки, — творцы культурных событий. Для учительниц — это мир-праздник: «Мать с Знатоковым немножко побаловались повеселили всех своей пляской вприсядку, конечно не по настоящему, а так только с баловством».

Будучи принятыми в их круг, учительницы с аристократами дружат: «Приехали к Елагиным, напились чаю, послушали Малороссийских песен, пел Пославский, потом опять тем же комплектом поехали в Кувыку, а ночь какая роскошь! Луна, белый покров земли и так светло, что можно было рассмотреть сколько часов и Анна Порфирьевна была с одной стороны окружена Елагиной, с другой Пославский, в ногах Маня и на козлах Алексеевский, а сзади форфейтором Константинов».

Крестьяне — постоянный источник рабочих проблем: «Занимаюсь по целому дню с 8 ½ до 4 ½, ученики все бестолочь на бестолочи, ругаюсь, встрёпку даю и конечно охрипну к концу недели». Они — безликая масса и безымянными остаются даже отдельные персоны: «Кувыкский мужик поехал мясоедом гулять в Идолгу, там [местные учителя] подпоили мужика и начали расспрашивать обо мне, так что тот приехал и рассказал все мне и говорит, что он уж наполовину просватал меня!»

Коммуникации внутри социальной страты учительниц строятся иначе — они адаптировались к вызовам, связанным с работой, и пытаются сформировать неформальную группу профессиональной поддержки: «Мы ведь на день распускали школу (поп велел) и теперь послали объяснительные записки (какими правилами руководствовались мы распуская школы, написало нам начальство). Теперь ждем ответы на наши объяснения».

Образование и профессиональная деятельность стали для учительниц социальным лифтом: одна — поповна, вторая — дочь мещанина, получили лучшее из возможного для женщин образование — в Епархиальном училище и Мариинской гимназии. Они финансово независимы и не нуждаются

в изменении матримониального статуса для выживания, но, несмотря на это, охвачены страхом оказаться в маргинальной ситуации — остаться незамужними.

В то же время они не занимаются социальным фантазированием — в качестве потенциальных мужей рассматривают только мужчин из своей страты, но никак не аристократию и не крестьян.

Говоря о замужестве, учительницы осознают, что с изменением статуса утратят свободу, и пишут подруге-невесте: «Вы тоже сделаетесь недоступною, так что нам девчонкам и не сметь будет приставать с каждою глупостью».

Мечтая о свободе — «Людей-бы побольше увидеть, землицы чужой посмотреть», остаются приверженками стереотипов и патриархальных норм.

Авторы рассматриваемых нами писем, получив профессиональное образование, работали сельскими учительницами в 40 км от Саратова. Несмотря на дружбу с аристократами и социальную инклюзивность, царящую в их сообществе, и повседневное близкое общение с крестьянами, учительницы осознают границы социальных страт и не пересекают их.

Достигнув финансовой независимости, учительницы не рассматривают это как достижение, но считают себя неудачницами из-за того, что всё ещё не замужем.

Хотя в письмах мы не видим рефлексии на тему феминизма, учительницы демонстрируют свою субъектность. Эти женщины — не объекты ЗАмужем, а активные творцы и участницы социокультурной жизни провинции, а также, что важнее, включены в государственную жизнь.

Сокращения

ГАСО — Государственный архив Саратовской области.

МЗУ — Мариинское земледельческое училище.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Литература

1. *Зарецкий, Ю.П.* Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // *Неприкосновенный запас* 2021. № 03 (137). С. 184–199.
2. *Манчестер, Л.* Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
3. *Мосс, Э. И.* Только между женщинами. Философия сообщества в русском и советском сознании, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
4. *Савкина, И.Л.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
5. *Ярская-Смирнова, Е.Р.* Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М.: РАН. ИНИОН, 2001.

Репрезентация концепта «другой Смерти» Мориса Бланшо в современном фантастическом кинематографе

Григорий Николаевич Сипливый

Независимый исследователь, выпускник аспирантуры
кафедры истории зарубежной философии философского
факультета Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова.

Электронная почта: gregorytemnow@gmail.com

В своей знаменитой работе «Симулякры и симуляция» (*Simulacres et Simulation*), вышедшей в 1981-м году, французский философ Жан Бодрийяр указывал, что нигилистическая энергия отрицания, характерная для начала XX века, к его концу трансформировалась в «симулятивную транспарентность» [Бодрийяр, 2015, с. 207], а технический прогресс и информационная революция привели к все большей виртуализации всех аспектов человеческого существования. Прежняя сила метафизической негации, воплотившаяся в деятельном отвержении бытийной реальности и достигшая своего деструктивного апогея в трагических событиях начала XX века, к концу XX столетия стала не чем иным, как «тенью» и виртуализированным «следом» самой себя. Кроме того, не реализовавшийся в ядерном апокалипсисе [Slocombe, 2005, p. 160] (пусть и нашедший своё частичное воплощение в практике концлагерей и холокоста) нигилистический запал современной техники также был обречён на дальнейшую «виртуализацию».

За несколько десятилетий до этого французский писатель и мыслитель Морис Бланшо указывал на проблему «невозможности достижения истинной Смерти» как полного исключения из онтологического порядка. Современный человек,

при этом, становится обреченным на «другую Смерть» как на небывалое, несбыточное и нескончаемое умирание. Истоки данной мысли Бланшо восходят к взглядам Эммануэля Левинаса на природу смертности как непостижимой «отсроченности» собственной гибели.

Восприняв данную мысль, Бланшо отмечает, что человек часто наивно полагает, что он «в состоянии умереть для себя самого» и что ему доступна смерть как горизонт собственной абсолютной конечности. Однако данное восприятие является ложным и обманчивым, поскольку человек лишен возможности по-настоящему испытать собственную смертность (для него это является «возможностью невозможного» (*possibilité de l'impossible*)). В лучшем случае человеческому восприятию доступен опыт восприятия чужой смертности, являющийся лишь референтом недоступного ему переживания собственной смерти.

Как указывал в этой связи Бланшо в работе «Пространство литературы», опубликованной в 1955 году: «Когда современный философ называет смерть конечной и абсолютно человеческой возможностью человека, он как бы показывает, что исток возможностей человека связан с тем, что он может умереть, что смерть для него все же возможность, что событие, переводящее его из сферы возможного в сферу невозможного, остается в его власти как предельный момент его возможностей (что он собственно и выражает, говоря, что смерть это «возможность невозможности»» [Бланшо, 2002, с. 244].

Согласно Бланшо, мучительное умирание «другой Смертью» происходит в «Превращении» и «Процессе» Франца Кафки [Бланшо, 1998]. Абсурдная и болезненная невозможность умереть «по-настоящему» (быть полностью «удаленным» из позитивного присутствия онтологической презентации) реализует себя как мучение недостижимости и сомнамбулической «замкнутости» на релятивное существование в рамках своей «нейтральной» тени или симуляции. Персонажи Франца Кафки оказываются в ситуации существования в рамках «мнимой» или отличной от привычной обыденному сознанию реальности и лишены возможности покинуть её.

Трагичность невозможности выйти из заданного сюрреального нарратива подкрепляется тем, что герои Кафкианских

произведений неспособны также не только реализовать некоторый «сюжетный замысел» (который постоянно размывается согласно логике сновидения), но и даже умереть «истинной» смертью. В частности, оба протагониста (Грегор Замза в «Превращении» и Йозеф К. в «Процессе») гибнут в конце повествования, однако их смерть не предстает в качестве разрешения сюжетного замысла и является скорее случайной, нелепой и абсурдной, нежели кульминацией художественного нарратива.

При этом тематика «другой Смерти» как невозможности истинного онтологического исключения, поднятая Морисом Бланшо, нашла свое воплощение не только в абсурдистских и сюрреальных художественных произведениях, но и в современной научно-технической фантастике, а также различных поп-культурных и кинематографических фантазиях о виртуальной реальности и её различных эмуляциях [Marmysz, 2017]. Так, сюжет о «запертости» человеческого сознания в тех или иных формах дигитальной реальности и принципиальной невозможности его удаления из цифрового пространства (истинной Смерти), а равно о необходимости постоянного проживания симулированного умирания становится общим местом для многочисленных антиутопических и киберфутуристских сюжетов [Ветушинский, 2017].

Классическим примером реализации мотива невозможности достижения истинной смерти в киберпанк сеттинге [Luciano, 2011; Csicsery-Ronay, 1998] является сюжет фильма «Нирвана» (Nirvana, 1997) итальянского режиссера Габриэле Сальватореса. Согласно сюжету фильма, в результате заражения компьютерным вирусом главный герой компьютерной игры «Nirvana» Соло (Solo) приобретает субъектность и самосознание и начинает осознавать, что он является лишь персонажем (элементом кода) смоделированной цифровой модели. Устав от бесконечной череды мнимых, или «других» в терминологии Мориса Бланшо, игровых смертей, он желает прекратить свое существование и выйти из пространства цифрового онтологического поля (достичь истинной гибели).

Схожие мотивы присутствуют и в культовом фильме «Экзистенция» (eXistenZ, 1999) режиссера Дэвида Кроненберга [Mathijs, 2008]. Сюжет фильма центрируется вокруг путешествий в виртуальную реальность путем подключения к игровой

Рис. 1. Персонаж фильма Соло (Solo), осознавший свою субъектность как фрагмент виртуальной реальности в результате технического сбоя

платформе «eXistenZ». При этом в ходе повествования не возникает ясности, подключены ли главные герои к виртуальной реальности или находятся в «реальном мире».

По мере разворачивания повествования сам переход между дигитальным и «обыденным» измерениями становится настолько лабильным, что это уже перестает иметь значение. Происходящие на экране смерти второстепенных персонажей и постоянная при этом охота за жизнью главных героев утрачивают свое сколько бы то ни было экзистенциальное значение, поскольку невозможно различить, на каком именно из уровней представленных «реальностей» происходит смерть персонажа.

Тематика заключения сознания внутри цифровой эмуляции и обреченности на нескончаемое цифровое существование также раскрывается в некоторых эпизодах британского популярного сериала «Черное зеркало» (Black Mirror, 2011–2023)¹. Так, в эпизоде «Белое Рождество» (White Christmas, 2014)

¹ О некоторых философских, медиа и культурологических аспектах содержания сериала, см.: [Cirucci 2018].

Рис. 2. Процесс подключения к виртуальной реальности в фильме
«Экзистенция» (eXistenZ, 1999)

реализуется несколько сюжетных линий, связанных с насильственным погружением человеческого сознания внутрь цифровой эмуляции без возможности удаления из неё [Cansu, Naaber, 2020].

В эпизоде «Игровой тест» (Playtest, 2016) третьего сезона телесериала также раскрывается тематика смешения реально-го и цифрового измерений. По сюжету эпизода персонаж Купер встречает журналистку Соню, которой он предлагает поучаствовать в тесте видеоигры с «полным погружением сознания» от компании «SaitoGemu». По мере развития повествования граница между «прежней» (до подключения к видеоигре) реальностью и её хоррор-эмуляцией стирается, а само сознание Купера, не найдя выхода из цифровой эмуляции, начинает дефрагментироваться. В конечном итоге зрителю дают понять, что на самом деле Купер умер еще во время подключения к видеоигре из-за пренебрежения правилами безопасности и использования мобильных устройств, а его сознание оказалось заперто в «поврежденной» копии эмуляции и обречено на бесконечные мучения без возможности покинуть её.

Рис 3. Кадр из эпизода «Белое Рождество» (White Christmas) сериала «Черное зеркало» (Black Mirror)

Тематика тесного переплетения «истинной» и «ложной» (или «другой» в терминологии Мориса Бланшо) смерти в рамках пребывания человеческого сознания в виртуальной реальности раскрывается и в эпизоде «Сан-Джуниперо» (San Junipero, 2016). По сюжету эпизода две девушки, Йорки и Келли, знакомятся в калифорнийском городке Сан-Джуниперо в 1987 году. Между ними завязывается общение, и во время пропажи Келли из города Йорки отправляется на ее поиски. В этот момент зритель осознает, что город является цифровой симуляцией, использующей антураж поп-культурных реалий из различных эпох (включая 1980-е, 1990-е и 2000-е годы).

Существование симуляции обеспечивается работой медицинского «облачного сервера», который обеспечивает загрузку сознания пожилых людей в симуляцию, в которой они могут насладиться имитацией своей молодости (ностальгическая терапия). К симуляции могут подключаться как еще живые пожилые пациенты (однако в этом случае они ограничены во времени использования сервера), так и навсегда «жить» в ней уже умершие. В случае последних полная нейрональная копия их сознания навсегда перемещается на облачные хранилища сервера, а слепок их «цифровой души» может вечно существовать

Рис. 4. Кадр из эпизода «Игровой тест» (Playtest, 2016)
третьего сезона сериала «Черное зеркало» (Black Mirror)

в симуляции Сан-Джуниперо, подобно пребыванию в христианском рае [Peters, 2020].

Как мы можем видеть, исходя из анализа представленных в современном футуристическом кинематографе сюжетов, концепция «другой Смерти» Мориса Бланшо как невозможности достижения истинной смертности находит свое воплощение в самых разных нарративных формах:

1) **появление самосознания и индивидуальной рефлексии у «виртуальных персонажей»** (фильм Nirvana) и «цифровых копий» (эпизоды «Белое Рождество» и «Игровой тест» сериала «Черное зеркало») сознания;

2) **смещения виртуальной и «настоящей» реальности до степени невозможности их различения.** Так, на примере фильма «Экзистенция» режиссера Дэвида Кроненберга и эпизода «Игровой тест» сериала «Черное зеркало» мы можем видеть ситуацию, когда проникновение виртуальности в структуры «обыденной реальности» становится столь глубоким, что уже перестает иметь значение, существовала ли когда-либо реальность в её изначальном, «вещественном» смысле, а не её цифровая эмуляция;

Рис. 5. Кадр из эпизода «Сан-Джуниперо» (San Junipero, 2016) третьего сезона сериала «Черное зеркало» (Black Mirror)

3) избегания футуристическим человеком (человеком ближайшего и отдаленного будущего) собственной «настоящей» гибельности и добровольное бегство в пространства цифровой эмуляции «Другой Смерти». На примере эпизода «Сан-Джуниперо» телесериала «Черное зеркало» мы можем видеть, как развитие цифровых технологий позволяет избежать гибели сознания вместе с физическим телом путем перемещения его на облачные серверные хранилища. Эмулированный цифровой мир, таким образом, способен выполнять роль христианского рая (или ада?), в котором слепки «цифровых душ» могут бесконечно экзистировать, переживая опыт своего бывшего и никогда не бывшего прошлого.

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015.
2. Бланшо, М. Пространство литературы / Пер. с фр. В.П. Большаков и др. М.: Логос, 2002.
3. Бланшо, М. От Кафки к Кафке / Пер. с фр. и послесловие Д. Кротовой. М.: Логос, 1998.

4. Бланшо, М. Рассказ? / Пер. с фр. и составление В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2003.
5. Ветушинский, А. С. Мы живем в компьютерной игре: видеоигровая метафора и её метафизический потенциал // Философская мысль. 2017. №10. С. 9–17.
6. Левинас, Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / Пер. с фр. А. В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999.
7. Bident, C. Maurice Blanchot. A Critical Biography. New York: Fordham University Press, 2019.
8. Cansu, C., Haaber, L. White Christmas and Technological Restraining Orders // William Irwin & David Kyle Johnson, Black Mirror and Philosophy. 2020. P. 69–79.
9. Cirucci, A., Vacker, B. Black Mirror and Critical Media Theory. London: Lexington Books, 2018.
10. Csicsery-Ronay, I. Cyberpunk and Neuromanticism // Mississippi Review. 1988. Vol. 16. №2/3. P. 266–278.
11. King, A. Baudrillard's Nihilism and the End of Theory // Telos. 1998. №1. P. 89–106;
12. Kroker, A, Levin, C. Baudrillard's Challenge // Canadian journal of Political and Social Theory. 1984. №7. P. 5–16.
13. Luciano, F. The Philosophy of Information. Oxford: Oxford University Press, 2011.
14. Lawtoo, N. Black Mirrors: Reflecting (on) Hypermimesis // Philosophy Today. 2021. Vol. 65, Issue 3. P. 523–547.
15. Marmysz, J. Cinematic Nihilism: Encounters, Confrontations, Overcomings. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.
16. Mathijs, E. The Cinema of David Cronenberg: From Baron of Blood to Cultural Hero. London: Wallflower Press, 2008.
17. Peters, R.A. Black Mirror, Technology and the Specter of Christianity. PhD Work. Pompeu Fabra University, 2020.
18. Slocombe, W. Nihilism and the Sublime Postmodern: The (Hi)Story of a Difficult Relationship from Romanticism to Postmodernism. London: Routledge, 2005.

Во власти рендера: памфлет архитектурной визуализации

Гавриил Николаевич Малышев

Магистр Культурной Антропологии, 2025
Факультет Антропологии, Европейский Университет СПб
Электронная почта: g.malyshhev@eu.spb.ru

Артем Максимович Никитин

MA Smart Cities and Urban Informatics, 2025
Faculty of Social Science, Department of Geography, The Hebrew
University of Jerusalem
Электронная почта: artem.nikitin@mail.huji.ac.il

1. Абстракт

Архитектурная визуализация окружает нас повсюду: на баннерах в общественном транспорте, строительных заборах, в медиа и печатных изданиях. Через нее мы воображаем и узнаем будущее города, закрепляем его ценности и нормы. Рендеры давно стали не просто инструментом коммуникации, но и механизмом идеологического производства. Возникает вопрос: чье будущее эти изображения конструируют?

Представленное исследование — о власти, которую эти картинки незаметно для нас захватили. И о людях, которые их рисуют, заказывают и смотрят. С помощью погружения в историю и этнографию проектирования будет изучено, как так вышло, что именно визуализации стали основным каналом общения власти с обществом и к чему это привело.

Что мы видим в рендерах: утопические образы будущего, или воспроизводство набивших оскомину клише? Способ наладить демократичный диалог с горожанами, или коммерческую манипуляцию? Притягательную эстетику, или ретуширующее любые сложности упрощения? И наконец, что можно противопоставить этому медиуму?

2. Воображаемые горожане

Архитектурная визуализация сегодня — неотъемлемая часть любого дизайн проекта. С 2018 года рамках Всероссийского конкурса проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях (ФКГС) было подано более 2 557 проектов, а количество созданных визуализаций превысило 20 320 [Gorodsreda.Ru, n.d.]. Однако при детальном рассмотрении парадоксальным образом обнаруживается, что дизайн проекты новых общественных пространств, например, в Самарской области и Республике Бурятия, практически неотличимы друг от друга.

Помимо шаблонных архитектурных решений, визуализации воспроизводят один и тот же сценарий городской жизни: стандартный набор персонажей, повторяющиеся позы, предсказуемые сюжеты. Рендеры формируют унифицированный образ «комфортного» общественного пространства, из которого исключена сама городская жизнь — с её социальными противоречиями, различиями и конфликтами. В этом стерильном мире нет места мигрантам, пожилым, рабочим или протестующим. Его населяют исключительно «воображаемые горожане» сплошь представители среднего класса, соответствующие коммерческим и политическим ожиданиям заказчика.

Архитекторы проектируют для себяподобных и изображают тех же людей повсюду: на благоустройстве в чеченском ауле и в костромской глубинке сидят одни и те же персонажи с рендера западного мегаполиса, скаченные из онлайн-библиотек «людей в PNG». Через рендер архитектор не вступает в диалог, а продает одним и навязывает другим. Желание преобразовать общество под стандарты собственного класса и культуры, вера в «бытие, определяющее сознание» — проявляются в стирании социальных различий на изображениях. Всё, что может показаться заказчику сложным, конфликтным или неэстетичным, оказывается за кадром.

Отношение к людям на архитектурной графике как к «стаффажу» (второстепенным элементам композиции, создающим фон, окружение для архитектуры), которые не должны отвлекать от дизайна — бессознательно транслируется планировщиками в жизнь. Так горожане-индивиды становятся объективированными «пользователями», которые должны вести

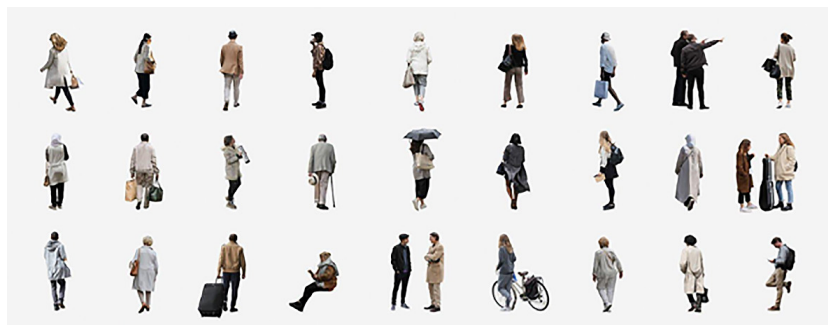

Рис. 1.

себя в городском пространстве строго согласно заложенным в проекте функциям, в противном случае — в «Яму» придет ОМОН [В полиции назвали «Яму»..., 2019].

Если взглянуть на визуализации в альбомах конкурса ФКГС, то мы увидим, как из проекта в проект кочуют одни и те же люди. Набор персонажей и видов их деятельности строго ограничен — практически любой сюжет можно пересказать фразой:

«На переднем плане женщина прогуливается с ребенком, на заднем плане сидя общается молодая гетеросексуальная пара, вокруг них играют дети».

Архитектурная визуализация, будучи инструментом конструирования будущего, вместо исследования и проектирования сложных сценариев городской среды становится средством тиражирования однотипных клише. В результате город с картинки перестает быть пространством сложного взаимодействия, а превращается в декоративную иллюзию — удобную, предсказуемую, закрепляющую статус-кво.

В академической традиции существует направление критических визуальных исследований (Critical Visual Studies), внутри которого авторы анализируют изобразительную культуру, искусство и медиа через призму критической теории. Так, Стокетти и Кукконен изучают, как визуальные элементы в но-

востях создают смысл, формируют восприятие и влияют на социальные, политические и культурные контексты [Stocchetti, Kukkonen, 2011]. Используя различные теоретические рамки, они стремятся понять динамику власти и политическую риторику, заложенную в изображениях. Другой ученый описывают дискурсивную работу изображений ландшафта, подчеркивая взаимосвязь между критическим мышлением зрителя и ролью, отведенной ему автором картинки [Dee, 2004]. Работа лингвистических антропологов Яворски и Турлова показывает, как визуальные коды, такие как минимализм и отсутствие людей на рекламных буклетах дорогих отелей, участвуют в производстве классового разделения и формируют элитарный образ [Thurlow, Jaworski, 2010]. Все это говорит о перспективности приложения этого теоретического инструмента к архитектурным визуализациям, однако подобных работ очень мало в зарубежной литературе, а на российском материале они вообще отсутствуют: интуиции критических визуальных исследователей неизвестны российским архитекторам. Этот пробел мы хотим восполнить.

3. Статичный канон

Как писал Бруно Латур, «проблема со зданиями в том, что они выглядят отчаянно статичными. Когда мы представляем себе здание, оно всегда видится фиксированной, неподвижной структурой, сошедшей со страниц глянцевого журнала, которые клиенты листают в приемных архитекторов. Кажется почти невозможным понять его как движение, как полет, как серию преобразований...» [Latour, Yaneva, 2008]. Задачу, которую поставил ученый перед архитекторами, можно свести к изобретению такой оптики, которая позволила бы добавить к трем измерениям четвертое — время. По прошествии полутора десятков лет можно сказать, что мы не справились. Да, в недрах альбомов можно найти разделы про этапность, жизненный цикл и даже сценарность, но публичным лицом любого проекта, способом коммуникации проектировщиков с обществом остаются картинки. Прошедшие годы были потрачены на то, чтобы сделать эти изображения более эффектными, более продающими, более фотореалистичными. Новые технологии рендеринга открыли новые ракурсы, вокруг здания стало можно обойти в VR очках.

Вместе с тем, всё это не сделало визуализации пространства менее статичными — а значит, более реалистичными. Напротив, сложился определенный канон, кривое зеркало реальности, в которой существуют концепции строительства и благоустройства: коллажи и рендеры населены особыми людьми и повторяющимися сюжетами.

Почему так происходит? Мы живем в реальности, в которой архитектура и среда стали товаром, заказчиком которого является не общество, а федеральный чиновник или девелопер. Архитекторы проектируют для себеподобных, и изображают их же — в чеченском ауле и костромской глубинке на модном благоустройстве будут сидеть идентичные представители высшего и среднего класса из западного мегаполиса, скаченные из онлайн библиотек «люди png». В этих условиях главной функцией визуализации стала реклама. Через рендер архитектор не вступает в диалог, а продает одним — и навязывает другим. Желание менять общество через архитектуру под стандарты своего класса и культуры, вера в знаменитое «бытие определяет сознание» — проявляется в стирании социальных различий на рендерах. Любая сложность, непонятная высоким заказчикам, может показаться им неэстетичной — а значит, не должна быть показана. В определенном смысле канон этих изображений напоминает полотна сталинского соцреализма — выдающая себя за реальность упрощающая фантазия, утопия, на которой стерты все социальные сложности и противоречия.

Потому **наша цель**: расшифровать правила этого канона, критически оценить роль архитектурных визуализаций в производстве социального пространства через конструирование воображаемых горожан, чтобы предложить альтернативные способы пространственного воображения. Попытаться помыслить именно то средство, которое позволит нам увидеть архитектуру в движении, и будет работать в качестве репрезентации реальности, а не строить притягательные для некоторых, но исключающие дистопии.

Чтобы расшифровать правила архитектурного канона визуализации мы поставили перед собой ряд задач:

3.1. Понять устройство современного канона визуализаций.

Проанализировать массив визуализаций на предмет повторяемости сюжетов, персонажей, выделить закономерности,

определить исключенные из изображений группы. На материале визуализаций объектов благоустройства, выполненных в рамках Всероссийского конкурса проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях (ФКГС). Причина выбора проста — конкурсны материалы находятся в свободном доступе и представляют собой срез архитектурной мысли всей страны. Конкурс проводится ежегодно, за все время было проведено 10 сессий, на которых было отобрано 1027 проектов, а за 9 лет было подано 2 557 проектов.

3.2. Изучить процесс создания визуализаций.

Методами автоэтнографии и наблюдения описать процесс производства изображений, выявив, какое влияние оказывают внешние факторы, например — условия труда, и внутренние — инструменты производства.

3.3. Изучить базы данных изображений людей для визуализаций (png).

Проанализировать основной источник. Творчество визуализатора в том, что касается «социального наполнения» коллажа, сводится лишь к выбору фигурок людей из онлайн-библиотек, баз готовых изображений, или с понравившихся референсов, за которым следует размещение персонажей на собственном рендере. Эта процедура копирования и вставки, доступная каждому, делает процесс производства визуализации коллективным, превращая его в постоянную сетевую коммуникацию. При этом легкость копирования не ведет к буквальному воспроизводству и дословному цитированию: компилируя фигурки людей из разных наборов, визуализатор каждый раз немного по-новому располагает их в новой локации, руководствуясь, между тем, определенными неписаными и почти бессознательными правилами, которые и хочется понять. Устройство этих баз, их содержание, распространенность одних персонажей (определенных классов, рас, видов деятельности и т.д.) и игнорирование других — важный объект для изучения.

3.4. Критика современного канона визуализаций.

Показать противоречия и негативные последствия существующего производства визуализаций, пользуясь инструментами социальной критики. Мы хотим показать, как архитектурные изображения конструируют норму, из которой

оказываются исключены реальные горожане, они подменяются воображаемыми. Визуализация оказывается не способом показать обществу проект, а инструментом переформатирования общества, введения искусственных иерархий и норм. Продемонстрировать, как создание визуализациями ложных ожиданий и сокрытие динамичности жизни внутри проектируемого пространства может сказываться на городской общественной жизни.

3.5. Социально-политические причины канона.

Понимание более широкого контекста, который сформировал канон визуализаций. Какие условия труда, требования, сформированные в ходе образования и практики установки вынуждают нас изображать объекты именно так?

3.6. Предложить альтернативные подходы к пространственному воображению.

Самая интересная задача, в которой мы постараемся достигнуть главной цели — предположить, какие есть альтернативные формы презентации архитектурного или градостроительного проекта обществу.

4. Понять канон: морфология и повторяемость сюжетов архитектурных визуализаций

Для анализа архитектурных визуализаций мы использовали инструменты фольклористики. Объектом изучения фольклористики традиционно являются вербальные культурные формы творчества, которые объединяет анонимность, неформальность и повторяемость в процессе коммуникации. Эта область знания интересна нам как эпистемологическая система: набор исследовательских методов и теоретических концепций, изучающих социальные механизмы воспроизводства культурных форм, их прагматику и структуру. Методы этой дисциплины видятся нам перспективными для изучения более широкого круга явлений, чем вербальный фольклор: в частности, для антропологии архитектурной профессии.

Для исследования мы выбрали визуализации объектов благоустройства, выполненные в рамках VIII Всероссийского конкурса проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях.

Выделяются следующие закономерности:

- 1) Во-первых, набор действий, выполняемых персонажами, ограничен: транзитное перемещение / прогулка, диалог, детская игра, танец, чтение книги сидя, перемещение на велосипеде, прогулка с собакой, статичное созерцание.
- 2) Структура изображения многоплановая, но на первом плане всегда будет присутствовать пара: в подавляющем большинстве, это молодая женщина с ребенком, реже присутствует отец. Это также могут быть ведущие диалог подруги, или гетеросексуальные романтические партнеры.
- 3) Все персонажи хорошо одеты, их можно отнести к среднему классу.
- 4) Большинство персонажей из общего числа людей на картинке — взрослые молодые люди и дети дошкольного возраста, они присутствуют на практически каждой визуализации. Часто изображаются единичные пенсионеры. Подростки и люди средних лет практически отсутствуют.
- 5) На подавляющем большинстве изображений присутствует пара «мужчина и женщина», родители с детьми, играющие друг с другом дети и одиночки. Зато практически не встречаются компании более 3-х человек.
- 6) На изображениях преобладают женщины в разных ролях: одиночка, подруги, мать ребенка, романтический партнер. Мужчины чаще всего представляются в роли одиночек и романтических партнеров, реже – отцов, но практически отсутствуют в роли друзей, а группы мужчин в количестве более двух не изображаются никогда.

Иначе говоря, можно вывести инвариант, или канон сюжета визуализаций: на переднем плане женщина прогуливается с ребенком за руку или в коляске (Мотив 1). Чуть поодаль ведут диалог парень с девушкой (Мотив 2). Вокруг них играют дети (Мотив 3). Такое сочетание мотивов будет встречаться практически на каждой картинке, правда, игры могут быть заменены парными танцами (Мотив 9). К этому инварианту часто добавляются следующие мотивы: на скамейке сидит одинокий пенсионер (Мотив 4), молодая девушка читает книгу (Мотив 5), подруги обсуждают что-то на переднем плане (Мотив 6). Молодой мужчина наблюдает за пространством со стороны (Мотив 7), молодой человек идет мимо (Мотив 8). В том или ином

Рис. 2. Визуализация проекта благоустройства площади в городе Шацк Рязанской области.

виде эти персонажи и действия присутствуют на каждом рендере благоустройства общественных пространств.

Но почему инвариант, канон сложился именно такими? Функционалист Уильям Бэском утверждает, что сохраняются только те фольклорные формы, которые работают на благо коллектива, реализуя некоторые полезные для него функции [Bascom, 1954].

Каждая новая визуализация, стало быть, проходит цензуру коллектива двумя путями. С одной стороны, она проверяется на соответствие своей прямой прагматике: насколько хорошо картинка демонстрирует спроектированный объект. С другой стороны, коллективный визуализатор, принимая решение о выборе того или иного набора фигурок для своего коллажа, или собирая себе набор чужих рендеров в качестве референсов, ориентируется на соответствие их собственным ценностям. И здесь мы можем обратиться к концепции Бэскома, согласно которому ценности сообщества могут быть реконструированы через 4 базовых фольклорных функции: проективная, ценностная, обучающая и дисциплинирующая. Согласно ученому, фольклор в некоторой степени является формой «побега от действительности», сублимации желаний, нереализуемых из-за наложенных

Рис. 3. Визуализация, точно соответствующая инварианту.
Г. Хотьково Московской области.

обществом и реальностью запретов. Фантазийная действительность архитектурной визуализации — такой же способ обойти наложенные политическими, климатическими, экономическими условиями ограничения. Вслед за Малиновским Бэском утверждает, что фольклорные произведения являются средством валидации культуры, оправдания ее ритуалов и институтов для тех, кто им привержен. Также и архитектурная визуализация работает для архитектурного сообщества буквально как справочник собственных моральных установок, этических и эстетических идеалов. Согласно Бэскому, фольклор обучает народной мудрости новых членов коллектива, и визуализации функционируют по этому же принципу. Педагогическая сила референсов, чужих визуализаций, просматриваемых студентом архитектурного факультета во время учебы точно не слабее слов преподавателя, а главное — нагляднее. Современное архитектурное сообщество глобально и вестернизировано: оно существует вне политических и этнокультурных границ, и задача визуализации в том числе и в этом — произвести среднестатистического глобального человека с универсальными архитектурными ценностями, которые он должен научиться ставить выше собственных этнических или религиозных установок.

Рис. 4. Визуализация благоустройства в городе Шигры: люди одеты как богатые жители мегаполиса.

Визуализация выстраивает границы сообщества, в котором нет места неаккуратно одетым, пьяным, усталым и грустным, отличающимся, принуждая смотрящего быть позитивным, бодрым и трезвым — левый критик добавил бы тут «готовым быть эффективным работником на благо неолиберальной корпорации». Если фольклор — зеркало народной души, то визуализация — зеркало души архитектора, отражающее его установки. Понимая теперь, как устроен канон, и причины, по которым он сложился именно таким, а также признавая его проблематичность, мы можем предложить шаги для того, чтобы его изменить.

5. Спор за город: воркшоп

В рамках финальной сессии «в/на полях урбанистики: к пересмотру профессиональных знаний» на конференции «Спор за город» мы провели воркшоп по критической практике архитектурной визуализации. Вместе с участниками мы пошагово воспроизвели процесс создания рендера: от подбора референ-

Рис. 5. Визуализация благоустройства в городе Урус-Мартан, Чеченская республика: люди одеты в нарушение принятых норм ислама, характерного для этой локации.

сов и PNG-фигурок до финальной композиции, чтобы эмпирически проанализировать властные отношения, встроенные в визуальный канон. Этот опыт стал способом не столько освоения инструмента, но и его деконструкции: визуализация предстала не как нейтральный медиатор между проектом и обществом, а как политически нагруженная технология формирования нормативного образа будущего города.

В результате этого воркшопа родился коллективный манифест, который мы обсудили вместе с участниками. Он стал отправной точкой в нашей работе по осмыслению архитектурного канона визуализации и зафиксировал первые шаги, которые мы предлагаем использовать на практике. Это не окончательный ответ, а приглашение к эксперименту. Этот текст — попытка вернуть визуализациям их политическую и социальную чувствительность, сделать их пространством видимости, а не сокрытия. Мы выступаем за переход от фотореалистичного рендера к (социо)реалистичному, который исходит из социальной реальности места, допускает множественность перспектив, подчёркивает процессы, а не замыкается в глянцевом финале. Мы предлагаем 10 шагов — простых и посложнее, как можно изменить подход к визуализации, приняв её обще-

ственную значимость. Из деполитизирующей рекламы рендер может стать инструментом социальной критики!

Архитектору придется стать этнографом, фиксирующим социальную реальность места и вписывающим свой проект в неё, а не наоборот. Благо тут нейросети могут помочь, исправив ограниченность png-наборов. Несложное действие позволит изменить взгляд архитектора на территорию проектирования — не «сверху», а «изнутри». Это к тому же «сошьет» проектную деятельность: порой над разными частями проекта трудятся разные компании, почти не общаясь друг с другом. Рендеры вообще часто делают в последний момент, и отдают на аутсорс. В итоге над визуализациями работают люди, не принимавшие участие в предпроектном анализе и проектировании, и не имеющие представления о месте и его сообществе, даже если в команде проекта был антрополог. Изменение собственных профессиональных практик — немного, что нам доступно, но это может иметь серьёзный эффект.

Ниже — тезисы манифеста, который мы озаглавили «будущее — не картинка, люди — не стаффаж».

1. Визуализация — это политическое высказывание

Принять ответственность за то, что визуализация — это политическое высказывание. Задать себе ключевые вопросы: зачем создаётся рендер: для продажи или диалога? Кто его зритель: девелопер или горожанин? Что он показывает: утопию или реальный сценарий? Чьими глазами показано будущее: архитектора, бездомного, дрона?

2. (Социо)реалистичный рендер

Сделать социальную реальность первичной. Вписывать архитектуру в общество, а не наоборот. Использовать визуализацию для подсвечивания социальных проблем, а не их маскировки.

3. Пост-проектное исследование

Показывать тех, кто реально будет пользоваться пространством, и чем он будет там заниматься. Основа — этнография конкретного места и аналогичных пространств.

4. Многосценарность

Показывать несколько версий будущего глазами разных людей, в разное время суток, при разных обстоятельствах. Допускать неопределённость и множественность интерпретаций.

5. Не только картинка

Использовать текст, кино, перформанс, звук и запах как равноправные медиа для репрезентации будущего. Визуализация — лишь одно из возможных средств.

6. Социальная критика

Рендер должен разоблачать, а не прикрывать проблемы: контрасты богатства и бедности, стирание конфликтов, видимые следы власти.

7. Подрыв нормы

Создавать визуализации, которые ломают ожидания. Допускать абсурд, многозначность, искажение канона. Нарушать шаблоны — и тем самым расширять воображение.

8. Процесс, а не только результат

Делать видимым не только финальный рендер, но и историю проектирования: этапы, сомнения, альтернативные сценарии. Архитектура — это не продукт, а процесс.

9. Чёрный ящик проектирования

Обеспечить доступ к процессу принятия решений в архитектуре. Архитектор — не автор-одиночка, а участник сложной сети отношений, интересов и компромиссов.

10. Статус-кво

Подвергать сомнению мейнстрим архитектурной репрезентации. Визуализация — не самоочевидное благо, а арена борьбы за видимость, присутствие и право на будущее.

Этот манифест не инструкция, а приглашение к действию. Он адресован всем, кто так или иначе вовлечён в архитектурное производство от проектировщиков до визуализаторов, от критиков до заказчиков. Мы призываем смотреть на рендер как на медиум власти, экспериментировать с формами, искать более честные и эмансипаторные способы репрезентации, способные подорвать существующий статус-кво.

6. Инструкция по взлому

Ответственность за переосмысление визуализаций лежит не только на тех, кто их производит. Академическое сообщество — архитектурные теоретики, антропологи, социологи,

урбанисты — тоже располагает инструментами, которые могут и должны быть задействованы для критической работы с визуальным каноном. Мы считаем, что существует потребность в разработке критической теории архитектурной визуализации, способной вскрывать ее социальные допущения, культурные шаблоны и политические эффекты.

Для этого мы предлагаем использовать методы визуальной и социальной антропологии, позволяющие анализировать визуализации не как нейтральные изображения, а как культурные артефакты, встроенные в профессиональные этики, институты и властные отношения. Ниже мы кратко обозначим инструменты, с помощью которых предлагаем осуществлять этот поворот к критике. Это — продолжение нашего манифеста, но адресованного уже не только архитекторам, а социальным ученым.

6.1. Фольклористика. Как мы показали выше, анализ изображений как набора повторяющихся персонажей, мотивов и сюжетов — перспективное направление для вскрытия «бессознательных» правил профессии. Мы призываем продолжить эту работу, уточняя эти правила и отслеживая изменения канона, и отклонения от него, направляя инструмент фольклористики на все большее количество визуализаций. Пример архитектурных визуализаций показывает, что механизмы фольклорной и нефольклорной природы могут сосуществовать внутри одного медиума. В случае архитектурной деятельности это обстоятельство напрасно игнорируется исследователями, поспешившими поверить в разделение на вернакулярную и профессиональную сферу.

6.2. Глубинные интервью. Глубинное интервью — это разговор, направленный на раскрытие смыслов, опыта и мировоззрения собеседника. Поговорив с потребляющими и производящими визуализации людьми: визуализаторами, проектировщиками, и горожанами — мы сможем приблизиться к пониманию того, что вкладывают люди в этот продукт, на что обращают внимание, и что упускают.

6.3. Визуальная антропология. Совокупность методов, использующих изображение для сбора и изучения практик и нарративов, и создание визуального продукта как непосредственного результата исследования. Визуализации сами по себе могут быть провокаторами дискуссий, а практика по совместному производству визуализаций совместно с непрофессиона-

лами может пролить свет на важные — и не рефлексирующие привычки, установки и аксиомы, скрытно руководящие деятельности проектировщиков. В конечном итоге, именно в области визуальной антропологии, как этнографически честного слепка реальности (например, этнографического кино) нам видится ответ на поиск альтернатив существующим статичным изображениям воображаемого будущего.

6.4. Автоэтнография. Метод, в котором наш личный опыт как практикующих городских планировщиков становится инструментом понимания профессиональных этик и механизмов создания городской среды. Он позволяет преодолеть дистанцию между исследователем и объектом изучения, делая процесс анализа непосредственным, глубоко вовлеченным и критически осмысленным. Через автоэтнографические записи, наблюдения и интервью мы не только фиксируем механизмы создания архитектурных визуализаций, но и вскрываем идеологические структуры, определяющие, кто включен в эти изображения, а кто остается за их пределами.

6.5. Digital humanities. Широкий спектр методов и инструментов, который позволит нам проанализировать более 20 320 рендеров, созданных в рамках программы ФКГС. С их помощью мы выявим повторяющиеся сюжеты, типичных персонажей и визуальные паттерны, а также определим, какие классы и социальные группы систематически исключаются из этих изображений. Используя инструменты компьютерного зрения, кластерного анализа и обработки естественного языка, мы проанализируем скрытые механизмы стандартизации архитектурных визуализаций и их влияние на формирование представлений о комфортной городской среде.

7. Борьба за воображение

Минимальный эффект, которого мы хотим достичь нашей работой — это начало **дискуссии о статус-кво** в визуализациях в архитектурных и урбанистических проектах. Этот продукт несправедливо, на наш взгляд, игнорируется исследователями, при том, что сегодня во многих случаях он является главным

результатом деятельности проектировщиков-консалтеров. Нередко не доходя до реализации, визуализации демонстрируются нам, оказывая скрытое влияние на городские сообщества. Одним из желаемых результатов будет **преодоление невинности визуализаций** в глазах интересующихся развитием городов — мы хотим привлечь внимание к этому медиуму, заставить людей задуматься о том, что он на самом деле несет в себе. Ну и программа максимум — это совместное **изобретение и популяризация альтернативы сложившемуся канону**, которую мы видим в стыке инструментов визуальной антропологии и перформанса. **Ответственность архитекторов** и визуализаторов за возможные политические экстерналии их продукта, **осознанность потребителей** визуализаций — сложно измеримые эффекты, однако это первый шаг к преодолению кризиса воображения с тем, чтобы сделать проектирование более инклюзивным и прозрачным для городских сообществ процессом. Мы считаем, что коммуникация проектов архитекторами с обществом может вестись иначе, не только посредством визуализаций, маскирующих социальные проблемы и соблазняющих иллюзиями легких решений в духе материального детерминизма, а наоборот — путем честного встраивания архитектурных объектов и дизайна среды в сложную реальность места, динамичную, а не статичную.

Кризис воображения в архитектурной визуализации — это результат унифицированного подхода к конструированию будущего, в котором социальная и политическая реальность подменяется эстетизированными образами. Архитектурные рендеры закрепляют неизменные, завершенные сценарии, лишая город динамики, конфликтов и множества возможных путей развития. Вместо статичных, комфортных изображений, фиксирующих конечный результат, необходимы новые методы представления будущего, такие, которые показывают процессы трансформации, сценарии изменений и альтернативные версии развития городского пространства.

В этой работе мы рассматриваем способы преодоления «власти рендера» и очерчиваем возможные направления для его трансформации. Будущее города не может быть статичной картинкой, оно должно оставаться открытым процессом, в котором визуализация служит инструментом диалога, или даже подрыва статус-кво, а не упрощающим монологом эстетизации.

Литература

1. В полиции назвали «Яму» главной алкогольной язвой Москвы. // РБК. 24 октября 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/10/2019/5db1843b9a794730df41e775>
2. Городская среда и ЖКХ // Gorodsreda.ru. (n.d.). Retrieved May 26, 2025. URL: <https://gorodsreda.ru/>
3. Пропп, В. Я. Морфология сказки. – Academia, 1928. – Т. 12.
4. Рогозин, Д. Как работает автоэтнография? Социологическое обозрение. 2015. № 14(1), 224–273.
5. Bascom, W. R. Four Functions of Folklore Author(s) // The Journal of American Folklore. 1954. Vol. 67, No. 266. P. 333–349 Published by: American Folklore Society
6. Dee, C. 'The imaginary texture of the real ...' critical visual studies in landscape architecture: contexts, foundations and approaches. Landscape Research. 2004. No. 29(1). P. 13–30. <https://doi.org/10.1080/0142639032000172424>
7. Latour, B., Yaneva, A. «Give me a gun and I will make all buildings move»: an aNt's view of architecture // Ardeth. A Magazine on the Power of the Project. 2017. No. 1. P. 103–111.
8. Stocchetti, M., Kukkonen, K. (ed.). Images in use: Towards the critical analysis of visual communication. John Benjamins Publishing Company, 2011.
9. Thurlow, C., Jaworski, A. Silence is golden: The 'anti-communicational' linguascaping of super-elite mobility // Semiotic landscapes: Language, image, space. 2010. P. 187–218.

Научное издание

Векторы

**Сборник тезисов
XXIII международной конференции
молодых учёных
(10–13. 04. 2025 г.)**

Издатель:

ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 18.07.2025.
Формат 60х90/16.

ISBN 978-5-6053489-4-8

9 785605 348948 >

векторы